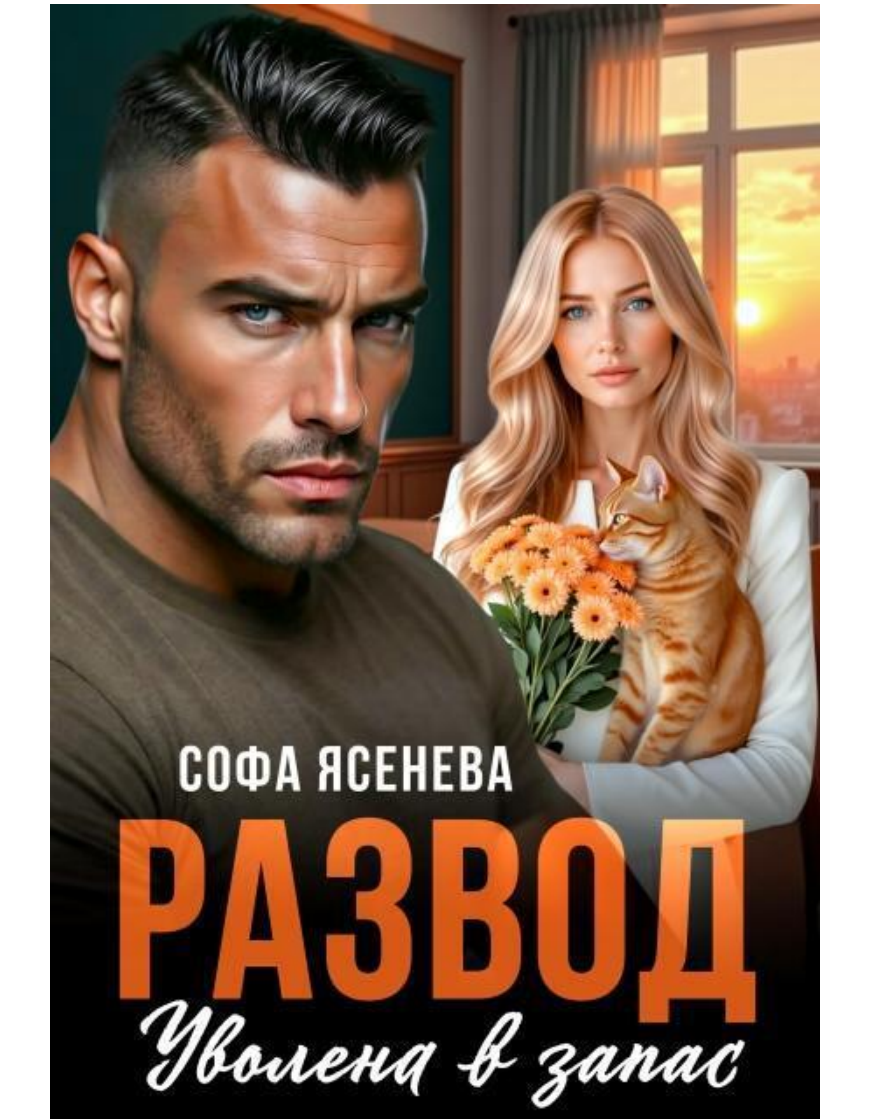

СОФА ЯСЕНЕВА

РАЗВОД

Уволена в запас

Софа Ясенева

Развод. Уволена в запас

<https://litres.ru/74384799>

Аннотация

Десять лет брака, закрытый военный городок, жизнь, выверенная по уставу.

Я была уверена, моя семья — крепость. Пока однажды муж не сообщил, что нам нужно развестись. Временно.

— Тот брак будет фиктивным. Два года, и я вернусь к тебе.

— А меня ты спросил? Буду ли я тебя ждать?

Как пережить развод с любимым мужем, зная, что он будет жить с другой? Делить с ней дом, фамилию, постель.

И что, если фиктивный брак перестанет быть временным? А я — всего лишь уволенная в запас жена, которую никто не собирается возвращать.

Книга участвует в литмобе "Отставка предателю"

Содержание

Глава 1 Ярослав	4
Глава 2 Ярослав	11
Визуализация	17
Глава 3 Ярослав	22
Глава 4 Ярослав	27
Глава 5 Ярослав	33
Глава 6 Ярослав	42
Глава 7 Ярослав	52
Глава 8 Ярослав	59
Глава 9 Ярослав	68
Глава 10 Ярослав	78
Глава 11 Ярослав	86
Глава 12 Ярослав	96
Глава 13 Ярослав	105
Глава 14 Ярослав	113
Глава 15 Ярослав	122
Глава 16 Ярослав	129
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Глава 1 Ярослав

— Яра, я своему когда такие сюрпризы делаю, он в восторге. Набрасывается на меня потом, как тигр, р-р-рау, — изображает движение лапой Таня, моя коллега.

— Думаешь, стоит самой подойти к КПП и встретить его? — недоверчиво кошусь.

— Даже не думай, встречай, конечно. Только надень самое отпадное бельё, которое у тебя есть. Это тебе столько уверенности придаст, закачаешься. Не то что стиранные сто раз труханы.

— Может, ты и права...

— Права-права, вот увидишь. Тем более он сам пригласил тебя в рестик.

— Блин, кучу тетрадей ещё проверять, — вздыхаю, поглядывая на гору, возвышающуюся на моём столе.

— Ничего, завтра проверишь. Они тебе неделями домашку носят, один раз можно и задержать проверку.

— Тань, я тогда побегу?

— Конечно. Потом позвонишь мне, расскажешь, как прошло.

Воодушевлённая советом подруги, я подхватываю всю гору тетрадей, распикиваю её по двум пакетам, и тороплюсь домой. Они оттягивают руки, врезаясь в ладони до онемения.

Для мужа мне хочется сегодня быть самой-самой красивой. К тому же, из своего закрытого военного города мы вы-бираемся в областной центр нечасто.

Я прихорашиваюсь, надеваю новое красивое вечернее платье, которое берегла для особого случая. Оно всё это время висело в шкафу в чехле, будто ждало своего часа. Волосы укладываю красивыми волнами, аккуратно, не спеша, наслаждаясь каждым движением. Наношу вечерний макияж, который научилась делать действительно хорошо совсем недавно, раньше не было нужды, да и поводов. Достаю туфли на шпильке, те самые, “не для нашего городка”, и впервые за долгое время чувствую лёгкое волнение.

Словом, в зеркале я вижу роскошную женщину, которую не стыдно взять в заведение такого уровня.

Поскольку такси у нас нет, а машина только у Влада, я иду пешком. Каблуки отстукивают чёткий, уверенный ритм по асфальту, и я ловлю себя на том, что выпрямляю спину. Иду походкой от бедра, не нарочно, просто так получается, когда на тебе платье, которое подчёркивает фигуру, и внутри щекочет предвкушение. Мужские взгляды скользят следом, задерживаются, кто-то оборачивается. Всё-таки права была Таня, тонкое кружевное бельё действительно придаёт уверенности. Хотя даже так до неё, платиновой блондинки с идеальной фигурой, мне далеко. Она будто всегда на шаг впереди.

Надеюсь, Жарову понравится. Такой нарядной он меня

не видел давно. В школу я ношу обычно довольно скучную официальную одежду, юбки ниже колена, блузки, кардиганы. Там я учительница, “Ярослава Сергеевна”, а не женщина. Сейчас же я будто вернула себе другую версию себя. Предвкушение заставляет ладошки чесаться, а сердце — ускорять ритм, сбиваться, будто я снова иду на первое свидание.

Выхожу из-за угла и оказываюсь напротив местной курилки, которую начальство оборудовало, чтобы работники не прятались по углам на предприятии. Небольшой навес над лавкой, урна да облупившаяся табличка “Место для курения”, вот и вся роскошь. Там как раз две женщины в форме смолят, пуская дым в небо, и оживлённо сплетничают, наклоняясь друг к другу, будто делятся чем-то особенно ценным.

Откуда я знаю? Да потому что в их коллективе, да и в целом в городе, все знают друг о друге практически всё. Закрытое пространство, одни и те же лица годами, никакой анонимности. И самые интересные подробности разбирают по косточкам именно в неформальной обстановке курилок. Интуиция меня не подводит, я чувствую это кожей.

— Слу-у-ушай, Свет. Ты слышала, что у нашего Михалыча появилась любовница?

Я замедляю шаг. Михалычей на заводе много, но сердце отчего-то ёкает, будто кто-то сжал его невидимой рукой. Предчувствие, липкое и неприятное, подкатывает к горлу.

— Да ты что? Как? Он же женат.

— А кого это когда останавливало?

— Ну не знаю. Он вроде мужик семейный, всегда торопится домой, с мужиками по бабам не шляется.

— Все они семейные, пока бес в ребро не стукнет. А ему как раз сорокет. Самый возраст.

Я делаю ещё шаг, потом ещё, замедляясь.

— Я думала, он один из всех знакомых идеальный, пример для подражания. Даже обидно, если всё так, как ты говоришь, Маш.

— Идеальных нет. Пора бы уже понять, чай не девочка.

Света опускает плечи, сплёвывает на асфальт, растирая окурок носком ботинка.

— Да и я ж не сама это придумала, — продолжает Маша.

— Я лично его видела с какой-то жгучей брюнеткой на проходной. Уж не знаю, кто она, но под руку его держала, как клещ. Едва не слилась с ним. А потом на прощание в губы его поцеловала.

В ушах начинает гудеть. Слова цепляются одно за другое, складываются в картинку, которую я отчаянно не хочу видеть.

— А он?

— А что он? Не успели они засосаться как следует. Народ же ходит.

— Так может это она клеится к нему.

— К такому жёсткому мужику на кривой козе не подъедешь. Если б не захотел, то ничего бы не вышло у неё. Зуб

даю, это она его любовница.

Не выдерживаю, потому что за время разговора успела накрутить себя до дрожи в коленях. Да и пройти мимо них всё равно придётся, а значит меня заметят. Шагаю к ним, собирая остатки самообладания.

— Здравствуйте!

— Ну привет.

— А вы про какого Михалыча говорили?

— Так мы и рассказали. У нас тут не проходной двор, режимный объект, — надменно сообщает Света, окидывая меня оценивающим взглядом с головы до ног.

— Да и тебе какое дело? Иди куда шла. Ишь, сплетни тут ходят собирают, а. Ты смотри, Свет!

Та подтверждающе кивает, косясь на меня.

Чувствуя, что эти дамы мне ничего не расскажут, прохожу к проходной, стараясь держаться прямо, хотя внутри всё сжимается в тугой комок.

— Эт кто? — Маша спрашивает шёпотом Свету.

— Не пойму. Странная какая-то. Ненашенская, похоже.

Ясно, меня не узнали при параде. С другой стороны, и я их не видела ни разу. Может, новенькие. А может, просто сегодня я выгляжу так, что не вписываюсь в привычную картинку этого места.

Достаю телефон и, не раздумывая, набираю Влада. Гудки тянутся слишком долго, словно издеваются надо мной, а потом связь обрывается. Я хмурюсь и пробую ещё раз. И ещё. В

ответ тишина и бездушное “абонент временно недоступен”. Он никогда так не делает. Никогда не пропадает без предупреждения, особенно зная, что я жду его здесь.

Я смотрю на часы. Без пяти шесть. Он всегда выходит вовремя, максимум — задержится на десять минут, если сдаёт бумаги или его кто-то перехватывает в коридоре. Решаю подождать. В конце концов, я уже здесь, да и смысла метаться нет. Прислоняюсь к ограждению у проходной, делая вид, что листаю ленту в телефоне, хотя экран расплывается перед глазами. Вглядываюсь в лица выходящих — одно, другое, третье. Все не он.

В шесть он не появляется. В половину седьмого — тоже. Поток людей редет, разговоры стихают, и даже курилка пустеет. Я снова набираю его номер, чувствуя, как под кожей нарастает неприятное покалывание. Телефон по-прежнему молчит, словно его выключили намеренно.

С непривычки ноги на каблуках начинают гудеть. Я переступаю с ноги на ногу, снимаю туфлю на секунду, растираю ступню, потом снова натягиваю её, морщась. Чувство тревоги завладевает всей мной, плотное, липкое, оно поднимается из живота к горлу и не даёт нормально дышать. Я ловлю себя на том, что оглядываюсь по сторонам слишком часто.

Около семи, окончательно отчаявшись, иду в сторону дома. Каблуки сбиваются с ритма, платье вдруг кажется неуместным и слишком нарядным для пустых улиц военного городка. В голове крутятся обрывки фраз из курилки, чужие

голоса накладываются на мои мысли, превращаясь в гул.

Квартира встречает привычной тишиной. В коридоре темно. Я щёлкаю выключателем, осматриваюсь. Ни машины Влада во дворе, ни его самого дома не оказывается. Куртка не висит на крючке, ботинки не стоят у порога.

Я медленно опускаюсь на пуфик, ставлю сумку рядом и снова смотрю на телефон. Ни пропущенных, ни сообщений. Пусто.

Неужели он с любовницей?

Глава 2 Ярослав

Поскольку дозвониться и подтвердить свои мысли я не могу, всё, что мне остаётся, ходить взад-вперёд и ждать. Я меряю шагами гостиную, коридор, снова гостиную, останавливаюсь у окна, отдёргиваю занавеску, вглядываюсь во двор, где под жёлтым светом фонарей стоят редкие машины. Каждый раз, когда фары проезжают мимо, сердце заходится, вдруг он? Но свет уходит дальше, а наш двор снова пустеет.

Я каждую секунду надеюсь, что распахнётся дверь и Влад скажет, что его задержали на работе, а телефон разрядился. Может же такое быть? Конечно может. У них вечные проверки, внеплановые совещания, режимные комнаты, куда телефоны вообще нельзя. Я цепляюсь за эти объяснения, как за спасательный круг, прокручиваю их в голове, стараясь унять нарастающую панику.

Вот только счёт с минут быстро перетекает на часы. Сначала восемь... потом девять... десять. Я даже не замечаю, как за окном окончательно темнеет, как во дворе гаснут окна одно за другим. В квартире слишком тихо. Холодильник гудит где-то на кухне, часы на стене тикают громче обычного, будто специально подчёркивают каждую уходящую минуту.

Спустя где-то четыре часа, в районе одиннадцати, я выбиваюсь из сил и сажусь на диван. Всё ещё при параде, даже платье не снимаю. Ткань уже неприятно тянет в талии,

шпильки впиваются в стопы, но я будто застываю в этом образе, как мушка в янтаре. Просто не могу заставить себя переключиться и заняться чем-то бытовым: смыть макияж, переодеться, налить чай. Кажется, если я это сделаю, значит, признаю: вечер не состоялся.

Я не ужинала, не пила чай. Да и кусок в горло не лезет. На кухне так и стоит пустая чашка, которую я машинально достала, но так и не наполнила. В горле сухо, но пить не хочется, всё стянуто тревогой.

Я чувствую, что что-то не так. И это ужасно, ждать бесконечно, накручивая себя, перебирая варианты один страшнее другого. Слова из курилки снова всплывают в памяти, и я злюсь на себя за то, что вообще их слушала.

Телефон вздрагивает в руке, вырывая меня из мыслей.

Таня:

“Ну как сходили? Ты послушалась моих советов? Жаров тебя сожрал с потрохами?”

Палец висит над клавиатурой. Конечно, долго я скрывать, что случилось, не смогу от неё. Всё-таки мы лучшие подруги. Она первая, кому я обычно пишу обо всём, от школьных курьёзов до семейных мелочей. Но вдруг я ошибаюсь? Нажалуюсь на Влада, Таня, как истинная подруга, поддержит меня и скажет ему пару ласковых, а потом всё окажется не так. Он просто задержался. Просто сел телефон. Просто... просто...

Не буду пока писать ничего. Откладывая телефон в сторону, переворачивая экраном вниз, будто так смогу спрятаться от вопросов и собственных мыслей.

Откидываюсь на спинку дивана, закрываю глаза буквально на секунду, просто чтобы дать им отдохнуть от напряжения. И в какой-то момент незаметно отрубаясь, сидя там же, в платье, с идеально уложенными, но уже начинающими распадаться волнами волосами.

Но вскакиваю моментально, стоит услышать шорох ключей в замке. Сердце ударяется о рёбра так резко, что перехватывает дыхание.

Бросаю взгляд на стеклянные дверцы шкафа и обнаруживаю, что волосы растрепались, а под глазами легли тени. Приглаживаю пряди дрожащими пальцами, пытаюсь вернуть себе приличный вид, будто от этого зависит, что он скажет, как посмотрит, и вообще... что будет дальше.

Машинально отмечаю, что вернулся Жаров в костюме, хотя уходил на работу в привычном своём виде: берцах, штанах цвета хаки с множеством карманов и болотного цвета футболке. Костюм хранится у него в шкафу на рабочем месте, и я планировала увидеть его в нём вечером, в ресторане, рядом со мной. Но мы же никуда не ходили.

Пиджак на нём расстёгнут, галстук ослаблен, будто он провёл в нём много часов. На лацкане едва заметная складка, как если бы его сжимали пальцами.

— Ты ждала меня что ли? — вскидывает брови, будто ис-

кренне удивлён.

— А ты как думаешь? Ты вообще помнишь о том, что мы планировали вчера?

Голос звучит тише, чем мне бы хотелось, в нём уже проступает обида.

Он на секунду прикрывает глаза, проводит ладонью по лицу.

— Яра, чёрт, я забыл тебе написать, что у меня внезапные дела появились.

— Какие такие дела длятся столько? Сейчас... — оборачиваюсь на часы, — пять утра.

Цифры на табло будто насмеваются надо мной.

— Рабочие, какие же ещё, — отмахивается от меня муж, стягивая пиджак и небрежно перебрасывая его через спинку стула.

— Расскажешь?

Я делаю шаг ближе, всматриваясь в его лицо, пытаюсь уловить хоть что-то: усталость, раздражение, вину.

— Спать хочется жутко, давай потом?

Он зевает, прикрывая рот ладонью, но взгляд ускользает в сторону.

— Влад, ну это ни в какие ворота. Ты что, не мог зарядить телефон и предупредить?

— Не сделал, значит, не мог, — припечатывает меня. — Давай в кровать. Жду тебя.

Сделав вид, что не произошло ничего, стоящего объясне-

ний, Жаров проходит в ванную. Я слышу, как включается вода, как он умывается, шумно выдыхая. А спустя пять минут, раздетый, шлёпает босыми ногами в сторону спальни, даже не оборачиваясь проверить, иду ли я следом.

Мне так обидно оттого, что он себя ведёт отстранённо, что я смахиваю слёзы тыльной стороной ладони. Следом за ним не иду. Если сейчас лягу рядом, просто разревусь в подушку, а он даже не поймёт почему.

Как минимум, неплохо бы раздеться и смыть макияж. Прохожу в ванную и достаю привычную мицеллярку, которой пользуюсь ежедневно. Капаю её на ватный диск и методично смываю косметику со всего лица. Сначала глаза, потом тон, румяна, помаду. Движения механические, отработанные.

Затем умываюсь тоником и похлопывающими движениями втираю ночной крем. Запах лаванды обычно успокаивает, но сегодня не помогает.

В моём возрасте уже нельзя положиться лишь на своевременное умывание. В тридцать пять кожа требует куда большего внимания. А я хочу оставаться как можно дольше привлекательной. Особенно для него. Эта мысль всплывает сама собой и тут же царапает.

Стягиваю платье и поднимаю крышку корзины для белья, замирая.

Сверху лежит рубашка Влада.

Меняю местами вещи, расправляя длинные рукава и

встряхивая рубашку. Ткань ещё чуть тёплая. В нос тут же пробирается непривычный запах. Такого парфюма у него нет. Но он не приторный женский. Скорее, унисекс, свежий, дорогой, с горчинкой. Таким мог воспользоваться кто угодно.

Осматриваю манжеты и воротник. Что я там ищу? Следы помады? Сомневаюсь, что он настолько беспечен, чтобы так явно предоставить доказательства своей измены.

Но пальцы всё равно скользят по ткани, задерживаются у пуговиц, у шва на плече. И чем дольше я держу эту рубашку в руках, тем сильнее внутри разрастается холодное, безжалостное чувство, которое уже невозможно списать на усталость или фантазию.

Возвращаюсь на кухню и проверяю карманы пиджака, встряхивая содержимое на пол.

Фольгированный квадратик презерватива падает мне на ногу.

Визуализация

Ярослава Жарова, 35 лет

Учительница истории в школе. Верная и преданная женщина, которая за мужем и в огонь, и в воду. Именно поэтому предательства она не ожидала.

Владислав Жаров, 40 лет

Начальник службы безопасности на крупном оборонном предприятии. Подполковник. Основательный и серьёзный мужчина. Ответственный. Именно эти качества и помешают счастливому браку с Ярославой.

Мои хорошие,
Очень рада видеть вас в своей новинке!

История обещает быть непростой, как и отношения между героями. Сразу скажу, что в случае с Владиславом не будет чёрного и белого, скорее серая мораль.

Поставьте книге звездочку и добавьте ее в библиотеку, чтобы не потерять.

Пока вы ждёте новые главы, приглашаю вас подписаться на мою страничку и найти себе по вкусу другие мои книги:

<https://litnet.com/shrt/xTwQ>

Глава 3 Ярослава

Поднимаю презерватив и кручу в руке, отмечая, что он не простой, а с пупырышками. Мы такие не использовали никогда. Так что никак не спишешь это на старые запасы. Ещё и потому, что мы не пользуемся ими уже лет пять как.

Пальцы сами по себе сжимаются сильнее, шурша тонкой упаковкой. От этого звука по коже идёт неприятный холодок, будто я держу не кусочек латекса, а доказательство, которое лучше было бы никогда не находить.

Кстати, за это время срок годности давно бы уже истёк. Переворачиваю серебристой стороной вверх и ищу дату производства. Произведено шесть месяцев назад. Значит ли это, что муж изменяет мне полгода? Если нет, то где остальные?

Мысли лезут одна за другой, становясь всё более мерзкими. Я даже машинально оглядываюсь на корзину с грязным бельём, словно там могут лежать ещё такие же “сюрпризы”, просто я их пока не нашла.

— Яра, ну ты долго? — зовёт Влад.

Я, естественно, от неожиданности роняю свою улику. Упаковка падает на плитку с лёгким щелчком, скользит и замирает у ножики посудомоечной машины.

Не стану притворяться дурочкой и делать вид, что ничего не случилось. Для Жарова, конечно, это был бы самый хороший исход. Сделал вид, что ты в танке, а жена дура, и спи

спокойно. Но я хочу прояснить, что происходит. Слишком долго я была максимально удобной. Хватит.

Поднимаю презерватив и несу его в спальню. Зайдя, бросаю на кровать так, что он приземляется точно у руки Влада. Тот берёт его и кладёт на тумбочку. Даже не вздрагивает. Ни тени растерянности. Словно я кинула ему чек из магазина, а не возможное доказательство измены.

— Лазала по карманам?

— А что в этом такого? Стираю твои вещи я, и раньше подобных претензий не слышала.

Скрещиваю руки на груди, стараясь, чтобы голос звучал ровно, но внутри уже всё подрагивает от злости, от обиды, от страха услышать правду.

— Грязные вещи находятся в корзине.

— Лучшая защита — нападение? — усмехаюсь ему в лицо.

Делаю шаг ближе, ловлю его взгляд. Холодный, собранный. Рабочий. Таким он смотрит на подчинённых, когда те косячат.

— Ярослав, я ничего не делаю просто так. Если этот презерватив был в кармане, значит, так нужно.

— Для кого нужно?

— Для дела. Всё, отставить истерику. Ложись давай, — похлопывает по одеялу рядом с собой.

Я сажусь так, чтобы смотреть в его лицо. Может, подметить хотя бы капельку эмоций, которые он вообще-то мастер

скрывать. Это профессиональное и порой бесит до трясучки.

В полумраке спальни его черты кажутся ещё жёстче. Лампа у изголовья даёт тёплый свет, но он не смягчает, наоборот, подчёркивает складку между бровями, напряжённую линию губ.

Я смотрю пристально, почти не моргая. Жду. Хоть тени смущения. Хоть раздражения посильнее. Хоть чего-нибудь живого. Но он спокоен. Слишком спокоен.

И от этого спокойствия мне становится по-настоящему страшно. Что, если ему давным-давно плевать на меня? Жена осточертела, и муж пошёл в загул. Мысль мерзкая, но отделаться от неё не получается. Она будто сворачивается змеёй где-то под рёбрами и медленно расползается холодом.

Невольно задумываюсь, были ли какие-то звоночки? Может, я слишком доверяла, игнорируя очевидные сигналы? Все ли срочные вызовы на работу были правдивыми, а не предлогом сбежать к любовнице?

Перед глазами один за другим всплывают вечера, когда он задерживался, возвращался уже после полуночи, пах чужим парфюмом, который я списывала на коллег. Его раздражение, если я задавала лишние вопросы. Телефон, который он стал брать с собой даже в душ. Тогда я убеждала себя, что это просто работа. Что у взрослого мужчины могут быть свои границы. Что ревновать — унинительно.

А сейчас эти воспоминания складываются в одну тяжёлую, неприятную мозаику.

— Влад. Тебе не кажется, что сейчас не время отмахиваться от меня?

— Пять утра, Яр. Ты не нашла времени получше, чтобы высказать претензии?

Его голос глухой, сонный, но в нём нет ни капли вины. Только усталое раздражение, будто я действительно придираюсь по пустякам.

— Ты обалдел? Таскаешь презервативы, не являешься на свидание, забываешь предупредить о смене планов. Да ты с утра не был в костюме, так с чего ты надел его потом? И считаешь, что мне ничего не надо сказать?

Я сама не замечаю, как повышаю голос. Слова вылетают резче, чем планировала. В груди уже не тревога, а жгучая злость.

— Может, и стоит. Но не прямо сейчас. Ты ложишься?

Он отворачивается от меня и накрывает себя с головой одеялом. Движение короткое, раздражённое. Будто я надоедливая муха, от которой проще отмахнуться, чем разбираться.

Меня от такого открытого пренебрежения буквально подбрасывает. Сажу на кровати, глядя на его укрытую фигуру, и не верю, что это происходит со мной. Что это наш разговор. Наш брак.

И я искренне считала ещё вчера, что этот мужчина меня любит? Не бывает таких таинственных метаморфоз за один день. А значит, я дура. Самая настоящая. Таковую ничего не

стоило обвести вокруг пальца.

Становится горько до кома в горле. Вспоминаю, как защищала его перед подругами, как злилась, если кто-то намекал, что он слишком закрытый. Как гордилась его надёжностью.

Надёжностью, которой, возможно, никогда и не было.

Я медленно встаю с кровати. Пол холодит босые ступни, но это даже кстати, хоть как-то приводит в чувство. Смотрю на одеяло, под которым он спрятался, и понимаю: если сейчас промолчу, если лягу рядом — всё. Я сама разрешу делать из себя слепую.

— Нет, Влад, — говорю уже тише, но куда жёстче. — Мы сейчас договорим. Хочешь ты этого или нет.

Глава 4 Ярослав

— Не делай мне мозги, — Жаров с опасным спокойствием садится на кровати.

Матрас под ним прогибается, одеяло сползает на колени. Взгляд его тяжёлый, прямой, не моргающий, не предвещает ничего хорошего. Я этот взгляд знаю. И от того, что сейчас он направлен на меня, передёргивает.

— А ты? Ты мне можешь делать мозги?

— Даже не начинал. Ты сама решила себя накрутить. Моя помощь не понадобилась.

В его голосе сквозит холод. Будто я не жена, а надоедливый посетитель, который пришёл выяснять отношения не по записи.

— Я не узнаю тебя. Влад, когда ты стал по отношению ко мне таким жестоким?

Слова вырываются тише, чем хотелось бы. В них больше растерянности, чем обвинения.

— Я всего лишь хочу отдохнуть. А ты припираешь меня к стенке и требуешь ответов, которые бы тебе понравились. Мои тебя почему-то не устраивают.

Он проводит ладонью по лицу, устало трёт глаза. Видно, что не спал, что вымотан. Но легче мне от этого не становится.

— Но это точно не наше, — киваю в сторону тумбочки.

Серебристый квадратик лежит там слишком вызывающе. Будто специально мозолит глаза.

— Димон оставил на столе, хвастался своими победами. А у меня начальство с минуты на минуту должно было прийти. Вот и сунул в пиджак.

Димон — местный бабник, который не прочь развлечься с кем угодно. Сегодня одна, завтра другая, послезавтра третья. Долгосрочные отношения его не интересуют в принципе. Поэтому такой вариант не выглядит притянутым за уши.

Я даже невольно представляю, как тот ржёт, размахивая упаковкой, рассказывая очередную байку про “огненную ночь”. В его стиле.

— То есть ты собирался ко мне?

— Конечно. Но Демидов появился не вовремя. Загрузил работой, да так, что я счёт времени потерял.

Он тянется к стакану с водой на тумбочке, делает пару жадных глотков. Кадык дёргается, одежды на нём нет, и я машинально отмечаю, что на коже нет ни следов, ни царапин. Сама не понимаю, зачем ищу.

— Ты один что ли за всех работал?

— Нет, Серёга был тоже.

— Вечно вы за всех отдуваетесь. Когда уже вас начнут ценить и беречь? Влад, отдыхать ведь тоже нужно.

Я смягчаюсь. Злость, которая ещё минуту назад кипела, понемногу остывает. На смену ей приходит привычная жалость к нему, уставшему, вечно гоняемому по срочным по-

ручениям.

— Зато мы ни в чём себе не отказываем.

Он криво усмехается. В голос возвращается знакомая ирония.

— Ну у нас тут трудно шикануть, знаешь ли.

Я обвожу рукой скромную спальню, но уютную. Нашу. С общими фотографиями на комод, с занавесками, которые я выбирала полдня.

— Ты на что намекаешь? Что хотела бы отсюда уехать?

Он прищуривается, изучая меня внимательнее.

— Да куда я. Десятиклашки мои одни останутся. А им выпускаться на следующий год.

Невольно улыбаюсь, представляя своих оболтусов. Их вечные «Ярослава Сергеевна, а можно пересдать?» и «А вы на выпускной придёте?».

Накал ситуации как-то неожиданно сходит на нет. Будто гроза прошла стороной, только воздух ещё тяжёлый, наэлектризованный.

Я всё ещё обижена, что просидела весь вечер одна дома, в платье, с глупыми ожиданиями. Но вместе с тем уверена, что Жаров обязательно искупит эту вину позже. Он умеет, молча, без лишних слов. Закажет еду, увезёт куда-нибудь, обнимет ночью крепче обычного.

И я, как всегда, прощу. Потому что люблю. Потому что верю. Потому что так проще, чем продолжать копать в неприятных мыслях.

Влад ложится, понимая, что я больше не буду скандалить, и кладёт руку так, чтобы я легла ему под бок. Пользуюсь приглашением, обвиваю его торс рукой, а ногу закидываю на бедро. Его кожа тёплая, знакомая до каждой родинки, до каждого едва заметного шрама. Под ладонью размеренно поднимается грудная клетка.

— Люблю тебя, Яра.

Говорит уже почти сквозь сон, но я всё равно улыбаюсь в темноте.

— И я, Влад.

Даже в свои сорок Влад выглядит шикарно. Каждый раз, когда вижу его, снова и снова влюбляюсь. Скульптурно вылепленные мышцы, результат его труда в качалке, не оставляют других вариантов. Широкие плечи, крепкие руки, в которых я всегда чувствую себя как за каменной стеной. Да и то, каким взглядом он обычно смотрит на меня, заставляет гореть.

Сегодня он устал, вымотан, но всё равно притягивает меня ближе, даже во сне не отпуская.

Засыпаем в обнимку, а утром занимаемся горячим примирительным сексом, после которого оба становимся расслабленными и довольными. Всё происходит как-то особенно жадно, будто он пытается наверстать упущенное за ночь, а я — убедиться, что между нами всё по-прежнему. Его руки скользят по мне уверенно, по-хозяйски, и в какой-то момент я окончательно перестаю думать о вчерашнем.

Остаётся только тепло, тяжёлое дыхание и ощущение, что мы снова одно целое.

Теперь можно и к своим крикунам и нарушителям спокойствия идти с чистой совестью. Уверена, ничто меня не выбьет из колеи.

Школа располагается в ста метрах от дома, поэтому я иду на первый урок, не торопясь. В груди — странная лёгкость. Всё вокруг кажется мне прекрасным: и сизый дым из труб, и детвора, бегущая к воротам, и даже ворчливая дворничиха у подъезда.

Я улыбаюсь сама себе, вспоминая утро.

Зато едва оказавшись в школьном коридоре, ловлю на себе пристальные взгляды. Не понимаю, что случилось.

Осматриваю себя. Может, на колготках стрелки? Или юбку задом наперёд надела? Вроде всё в порядке. Блузка застёгнута, волосы уложены, макияж на месте.

Отмахнувшись, мало ли, какая муха их укусила, прохожу в учительскую, где все разом замолкают, стоит мне войти.

Снова чувствую укол беспокойства.

— Доброе утро.

— Доброе утро, Ярослава Сергеевна, — вразнобой приветствуют.

Кто-то слишком старательно утыкается в журналы, кто-то делает вид, что срочно ищет что-то в сумке. Но взгляды всё равно липнут ко мне.

Таня подскакивает из-за стола так резко, что стул скрипит

по полу, и зовёт меня взглядом в коридор. Едва оказываемся за дверями, она тарыхтит на ухо шёпотом:

— С утра все на ушах. Слухи разлетелись мгновенно. Ты мне скажи, ты вчера была в рестике с Жаровым или нет? А то я всю помаду сожрала, пока дождалась.

— У него какие-то срочные дела были. Пришёл под утро. А что?

Таня вытягивает губы трубочкой, глаза у неё круглые, как блюдца.

— Ну и дела-а-а...

— Тань, ну чего ты тянешь? Что случилось-то?

Глава 5 Ярослав

— Да кто-то пустил слух, что вчера видел Влада в городе с другой женщиной. Ну я подумала, обознались. Или просто завидуют, знаешь же наших кумушек, могут раздуть сенсацию из ничего. Защищала его даже...

Она вся как-то сдувается, и от боевого настроения ничего не остаётся. Плечи опускаются, пальцы нервно теребят край рукава, будто она сама чувствует себя виноватой в том, что вообще завела этот разговор.

— Яра, ты бы лучше у него спросила прямо, а? Ну, мало ли. Сколько про него всякого болтали и болтают, и всё ведь неправда.

Я молчу, потому что слова Тани, как ни странно, не вызывают у меня мгновенного протеста. Раньше я бы сразу отмахнулась. Рассмеялась бы. Сказала: “Да ты что, это же Влад”. А сейчас внутри что-то неприятно царапает, будто за ночь во мне поселилось сомнение, о существовании которого я даже не подозревала.

Она права. Слухов ходит полно. Проходятся по всему. И по тому, что за десять лет у нас не появилось детей, и бесконечных любовников мне и любовниц ему причисляют. И про то, что он деньги ворует на госзаказах, говорят. Мол, откуда у них деньги на то, чтобы два раза в год в отпуск ездить.

Это лишь малая часть.

Если верить всему, то у нас весь наш небольшой городок погряз в разврате, пьянстве и воровстве. Такой себе “Содом и Гоморра” местного разлива. Причём каждый считает своим долгом обсудить чужую жизнь, как сериал, с комментариями, прогнозами и моральными оценками.

Думающие люди прекрасно знают, что всю информацию надо делить минимум на два, а ещё лучше уточнять у первоисточника. И то, где гарантии, что скажут правду?

Провожу ладонью по лбу, будто пытаюсь стереть нарастающее напряжение.

— Тань, расскажи мне все подробности.

Она закусывает губу, явно колеблясь. Взгляд мечется то на меня, то на дверь учительской, за которой уже слышны голоса.

— Ты уверена? Я-то расскажу, но тебе на урок идти. А у тебя там Ромео твой.

Я невольно морщусь.

Так Таня называет моего поклонника, Матвеева Данилу из одиннадцатого “А”. Высокий, наглый, с вечной полуулыбкой и взглядом, который сканирует ежесекундно. Уж не знаю, что он себе придумал, но при такой катастрофической разнице в возрасте даже думать в эту сторону грешно.

Правда, меня он не слушает.

Смотрит своим дерзким взглядом, ловит каждую мою эмоцию, будто имеет на это право. Сразу заметит, что я расстроена, а потом на перемене прохода не даст, будет стоять

у кафедры, задавать дурацкие вопросы, лишь бы задержать.
Сейчас мне только этого не хватало.

— Ладно. Допустим, — выдыхаю, собираясь с мыслями.
— Но на большой перемене встретимся и выложишь мне всё.
— Обещаю, — кивает Таня и, прежде чем уйти, тихо добавляет: — Яр... ты только не накручивай себя раньше времени, хорошо?

Я киваю, хотя понимаю — поздно.

Накручивать я начала ещё вчера вечером. А сейчас это чувство лишь крепнет, медленно, но неотвратимо.

Звонок раздаётся в коридоре, и мне ничего не остаётся, кроме как натянуть привычную учительскую маску и пойти к своему одиннадцатому “А”.

Вот только впервые за долгое время я иду туда без внутреннего равновесия. С тяжестью под рёбрами и одним единственным вопросом, который не даёт покоя: “А вдруг это правда?”

Каким-то чудом мне удаётся провести уроки, дав весь необходимый материал. Не отвлекаюсь ни на что, специально сосредоточившись на детях. Всё-таки хорошо, что я с самого начала полностью отдаюсь процессу. Быть учителем истории — моё призвание.

Я хожу между рядами, ловлю поднятые руки, задаю наводящие вопросы, вывожу даты на доске аккуратным почерком. Маркер поскрипывает, оставляя чёткие линии, а этот привычный звук странным образом успокаивает. История —

она логична. В ней у всего есть причины и последствия. Даже у самых трагичных событий.

Ловлю себя на том, что говорю громче обычного, активнее жестикулирую, чаще улыбаюсь. Будто стараюсь доказать самой себе, что всё под контролем.

Даже Данила ничего не замечает. Но всё равно делает вид, что ему необходимо что-то спросить. Он дожидается, пока класс почти опустеет, неспешно собирает тетради, специально тянет время.

— Ярослава Сергеевна, подскажите, а по периоду перестройки где я могу подробнее посмотреть?

Я закрываю журнал, поднимаю на него взгляд.

— Данил, информации в интернете полно. Даже у девочек, кто сдаёт историю профильным экзаменом, не возникло такого вопроса.

Он опирается ладонью о мою кафедру, склоняет голову набок.

— Может, они просто не осознали, что им чего-то не хватает.

Вот же... артист.

— Давай так. Ты напиши мне конкретные вопросы, а я постараюсь на них ответить.

— Будет сделано.

Сияя, растворяется в школьном коридоре, будто только что получил персональное приглашение на ужин, а не задание по истории.

Знаю ведь, что не пожалеет времени, накопает вопросы позаковыристей, лишь бы я подольше объясняла. Лучше бы на девушек своего возраста засматривался.

Собираю тетради, закрываю класс и направляюсь к столовой. Запах выпечки ощущается ещё на подходе. Обычно он поднимает мне настроение, но сегодня я почти не чувствую вкуса жизни.

Нахожу у столовой Таню.

Она уже машет мне рукой, подпрыгивая на месте от нетерпения.

— Возьмём по кофе и булочке?

— Давай.

Пробираемся в отдельную очередь для учителей. Берём бумажные стаканы с ароматным напитком и булочки с корицей, ещё горячие, глазурь на них блестит, чуть подтаяв.

Отходим за самый дальний стол, подальше от учеников и лишних ушей.

Я обхватываю стакан ладонями, грею пальцы, делаю осторожный глоток. Кофе обжигает язык, но это даже кстати, хоть что-то выводит из оцепенения.

— Слушай, Яра, я тут подумала, пока было время, — Таня наклоняется ко мне ближе, понижая голос. — И хочу тебе предложить убойный вариант. Чем слушать непонятно кого, давай убедимся во всём сами?

Вопросительно поднимаю бровь.

— Ты о чём?

Она оглядывается по сторонам, будто мы обсуждаем шпионскую операцию.

— Смотри, вопросами ты его прижмёшь — он будет отпираться. Ты вообще его спрашивала, где он был ночью?

— Да. Сказал, начальство дало задание срочное. Пришлось сидеть до утра. Но очень неохотно это выдал.

— Во-о-от, — протягивает она, многозначительно кивая.
— Давай проследим. Что мы теряем? Ну не увидим ничего, значит, всё неправда.

Я зависаю, переваривая её слова. Само предложение звучит дико. Я — взрослая женщина, учитель, замужем десять лет... и буду шпионить за собственным мужем?

Но тут же всплывает вчерашний вечер. Пустая квартира. Телефон вне зоны. Презерватив в кармане. Костюм. Запах чужого парфюма.

В груди неприятно тянет.

— Ты со мной пойдёшь?

— А то, — задорно подмигивает. — Подруг в беде не оставляем.

Я смотрю на её решительность, на уверенность, с которой она уже мысленно строит план операции. И, к собственному удивлению, заражаюсь этим настроением.

И правда... чем сидеть на месте и сочинять версии, лучше увидеть всё своими глазами.

Страшно? Да. Но неизвестность пугает куда сильнее.

Я медленно киваю.

— Хорошо. Проследим.

Таня победно хлопает ладонью по столу так, что мой кофе едва не выплёскивается.

— Вот это я понимаю! Сегодня после работы. Я всё органирую.

И пока она что-то возбуждённо шепчет про “удобную точку обзора” и “мою тёмную куртку, чтобы не выделяться”, я ловлю себя на одной-единственной мысли:

Господи... лишь бы нам нечего было увидеть.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Отставка предателю" вышла новинка
Анна Жукова "Развод. Жена (не) по уставу"

<https://litnet.com/shrt/kO01>

Анна
ЖУКОВА

— Пусечка, ты же сказал, что нас будет трое, ты сюда ещё и эту тётку пригласил?! — возмущённо прокурлыкала силиконовая девица.

Вторая сразу просекла кто я и одёрнула её.

— Таня... — сипло начал муж. — Это не то, что ты думаешь...

— Измена на лицо, пусечка, — с издёвкой проговорила я.

Наглый муженёк взял себя в руки за секунды.

— О, перестань делать такое лицо! — он махнул рукой. — Ты же взрослая, умная женщина. Посмотри на себя! Ты уже не первой свежести, Таня. У тебя свои дела, конференции, пациенты. А мне... — он гордо выпрямился, — а мне хочется жизни, Тань!

Глава 6 Ярослав

На самом деле, организовывать очень даже есть что. У меня, например, прав нет. Машину в семье водит только Влад. А Таня, в отличие от меня, имеет стаж вождения пятнадцать лет. И даже купила себе лет десять назад подержанный Пежо, который до сих пор служит ей верой и правдой. Только стоит он в гараже, а до школы Таня обычно ходит пешком. Поэтому ей надо будет специально идти за машиной.

Если Жаров решит поехать куда-то, то без неё нам за ним не угнаться.

Помимо этого, вернувшись домой, я перерываю шкаф в поисках чёрных джинсов и худи с капюшоном, чтобы прикрыть свою рыжую шевелюру. Она слишком выделяется, и внимательный Влад в два счёта меня вычислит, если увидит волосы. Да и Таня у меня тоже яркая, платиновая блондинка.

Вываливаю на кровать половину гардероба. Джинсы — не те, слишком светлые. Эти — обтягивающие, тоже не вариант. В итоге нахожу старые, чуть мешковатые, которые надевала на субботники и выезды с классом. К ним — чёрное худи, которое я обычно ношу дома, если очень холодно. Натягиваю капюшон, прячу волосы внутрь, выпускаю только пару прядей у висков.

Изучаю себя в зеркале. Нда, видок у нас будет тоже весьма приметный. Хотя, как посмотреть. Для женщины за тридцать

цатник — может быть, а со спины и за подростков сойдём.

Смешно, конечно. Учительница истории и завуч по воспитательной работе — шпионки.

Накидываю чёрную куртку поверх и иду к дому Тани. Та уже за рулём.

Пежо стоит у подъезда. Двигатель урчит, фары включены, а Таня, как заправский агент, уже в тёмных очках, хотя солнца почти нет.

Я забираюсь на пассажирское сиденье, хлопаю дверцей.

— А где мы оставим машину?

— Чуть подальше от проходной, на парковке. Там всегда много машин, одной больше, одной меньше, никто не заметит.

Она трогается с места плавно, уверенно, как человек, который за рулём чувствует себя как дома.

— Главное, не рядом с нашим Аутлендером.

— Да знаю я, — отмахивается Владимирова. — Я, может, и авантюристка, но не самоубийца.

Едем молча пару минут. Я ловлю себя на том, что сжимаю ремешок сумки так, что пальцы белеют. Сердце бьётся чаще, чем на экзамене у комиссии.

— Яр, ты дыши, — косится на меня Таня. — А то сейчас в обморок хлопнешься, и вся операция накроется.

— Я дышу, — шепчу, хотя сама понимаю — едва-едва.

Чем ближе к заводу, тем тяжелее становится внутри. Огромные серые корпуса, колючая проволока, КПП с шлаг-

баумом — всё это я видела сотни раз. Но никогда — с таким чувством.

Будто я не к мужу приехала... а на допрос.

Припарковавшись, приготовились обе следить за входом. Внутри нам незамеченными не попасть, да и вряд ли Влад прямо там со своей любовницей встречается.

Таня глушит двигатель, но ключ не вынимает на всякий случай.

Мы сидим, пригнувшись. Я оттягиваю капюшон глубже, чтобы лицо было в тени.

— Вон проходная, — шепчет Таня, хотя вокруг и так тихо.
— Видишь?

Конечно, вижу.

Серая будка охраны, турникеты, люди в форме и спецовках, которые выходят сменами.

Я всматриваюсь в каждого высокого мужчину в форме, и сердце каждый раз дёргается.

— Спокойно, — шепчет Таня. — Мы его не пропустим.

Минуты тянутся вязко, как патока. Я уже успеваю пожалеть, что вообще согласилась на эту затею. И в то же время понимаю, если сегодня уеду, не узнав правды, с ума сойду окончательно.

Сильнее вжимаюсь в сиденье, не сводя глаз с проходной. Жду.

Я не пропускаю момент, когда он появляется.

Высокий, в форме, идёт уверенной походкой, будто весь

мир у него под контролем. Влад выходит из проходной без задержек, не останавливается ни с кем поговорить, не закуривает, как обычно. Сразу идёт к парковке.

Сердце ухает вниз.

— Вон он, — шепчу, хотя Таня и так уже напряглась.

Жаров открывает машину, садится за руль. Фары загораются сразу.

— Заводи, — выдыхаю.

— Уже, — тихо отвечает Таня, поворачивая ключ.

Мы выжидаем пару секунд, чтобы не светиться в хвосте, и только потом плавно выруливаем следом.

Я вжимаюсь в сиденье, не сводя глаз с его Аутлендера.

Сейчас он поедет домой. Сейчас...

Но на перекрёстке Влад включает поворотник в противоположную сторону. Не к нашему кварталу.

— Куда это он? — шепчет Таня.

Я молчу. Потому что внутри уже холодеет.

Мы держим дистанцию в пару машин. Городок заканчивается быстро. Дорога уходит к старому жилому сектору на окраине, там частные дома, несколько новостроек и съёмное жильё для приезжих специалистов.

Аутлендер сбрасывает скорость. Паркуется у двухэтажного дома с отдельными входами.

У меня немеют пальцы.

— Может, по работе... — начинает Таня, но сама в это не верит.

Мы замираем. Проходит минута. Потом вторая. И вот дверь подъезда открывается.

Сначала я вижу каблуки. Тонкие, бежевые, на высокой шпильке.

Потом — ноги, стройные, ухоженные. А потом выходит она.

Брюнетка.

Длинные тёмные волосы, уложенные мягкими волнами. Пальто по фигуре. Сумка явно не из дешёвых. Движения уверенные, будто она знает, что красива и все падут ниц перед ней.

Она идёт прямо к машине Влада. Не оглядывается. Открывает пассажирскую дверь... и садится внутрь.

У меня в ушах начинает шуметь.

— Яр... — осторожно тянет Таня.

Я не отвечаю. Достаю телефон.

Руки дрожат так, что едва попадаю в камеру. Навожу зум.

Стекло бликует, но лицо видно.

Щёлк. Ещё один кадр. Щёлк.

— Сфоткала? — шёпотом.

Киваю. Говорить не могу.

Машина трогается.

— Поехали, — сиплю.

Мы снова держимся на расстоянии. Теперь Влад едет в сторону города.

В салоне нашей машины тишина такая, что слышно, как

щёлкает поворотник.

— Может, деловая встреча... — Таня пробует успокоить, но осекается.

Потому что он останавливается у ресторана. Того самого. У «Свободы».

Туда он должен был везти меня.

Я смотрю, как они выходят из машины.

Она берёт его под руку. Не робко, скорее привычно. Будто делала так уже не раз.

Сидим так какое-то время, а потом я не выдерживаю

— Я выйду, — говорю.

— С ума сошла? — Таня хватает меня за рукав. — Ты что сейчас устроишь?

— Я спрошу.

— На улице? При всех? Он отопрётся. Скажет — коллега. И ты будешь выглядеть истеричкой.

— Мне плевать.

Я уже дёргаю ручку двери.

— Яра, стой!

Но я не слушаю.

Выбираюсь из машины, хлопаю дверцей и делаю шаг к ресторану. Ноги ватные, но я иду.

И в этот момент двери ресторана открываются. Они выходят. Влад и она. Смеются о чём-то.

Он наклоняется к ней ближе, чем нужно просто для разговора.

Я едва успеваю развернуться и юркнуть обратно к машине. Падаю на сиденье, пригибаюсь так низко, что упираюсь лбом в бардачок.

— Они идут, — шипит Таня.

Я даже дышать перестаю. Вижу, как они проходят мимо.

Влад открывает ей дверь. Она садится.

Таня выжидает пару секунд и снова едет следом.

— Яр... — тихо.

— Едем, — говорю.

Он не возвращается в военный городок. Не едет домой.

Машина сворачивает к центру города. Потом — к ряду гостиниц у набережной.

Аутлендер останавливается у одной из них.

Я вижу, как Влад выходит, обходит машину, чтобы подать ей руку.

Они не спешат, не суетятся. Будто приехали сюда не впервые. Заходят внутрь вместе.

Стеклянные двери закрываются за их спинами.

И только тогда я понимаю, что всё это время впивалась ногтями в собственную ладонь до полумесяцев.

— Яр... — снова Таня.

А я не отвечаю.

Потому что если открою рот — закричу.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Отставка предателю" вышла новинка
Анна Риман "Развод. Последний приказ"

<https://litnet.com/shrt/hvRY>

А
РИМА

Десять лет она тащила всё на себе. Работу. Ипотеку. Дом. Мужа. Даже сестру.

Она привыкла быть сильной и молчать. Привыкла слышать, что она «справится». И почти поверила, что так и должно быть.

Пока однажды не увидела мужа в ресторане. С собственной сестрой.

— Кому ты нужна? — сказал он позже. — Вернёшься.

Она не вернулась.

Глава 7 Ярослав

Собрав всю силу воли, которая есть, обращаюсь к Тане:

— Я хочу попасть в номер.

Голос звучит чужим, ровным и холодным. Хотя внутри всё кипит так, что, кажется, ещё секунда, и меня разорвёт как сверхновую, разрушив и чёртову гостиницу, и моего благоверного вместе с его новой пассией.

— С ума сошла? Как ты себе это представляешь?

Она смотрит на меня так, будто я предложила штурмовать банк.

— Не знаю. Узнать, в каком они номере. Пойти и вырвать патлы этой суке.

Я уже открываю дверцу машины. Воздух с улицы режет лёгкие, пахнет влажным асфальтом и автомобильными выхлопами. Гостиница перед нами светится тёплыми окнами, будто ничего особенного внутри не происходит. Будто туда не вошёл мой муж с другой.

— Если бы я знала, что, чтобы увидеть тебя в режиме берсерка, надо уличить Жарова в измене...

— То что? Подсунула бы ему кого-то?

— Нет. Наоборот, всячески этому помешала.

Я резко оборачиваюсь к ней.

— Так ужасно выгляжу?

— Боюсь, если ты нападёшь на неё, тебя посадят на пят-

надцать суток, и весь твой имидж приличной училки пойдёт по бороде. Чем будешь крыть своих птенчиков, когда они будут срывать уроки?

Я нервно хохочу, больше от бессилия, чем от веселья.

— Буду угрожать подраться и с ними тоже и вести нон-стопом уроки истории прямо в камере пятнадцать суток подряд?

Пытаюсь высмотреть через стеклянные двери, подошли ли они к стойке регистрации, получили ли ключи от номера. В холле мягкий свет, стойка, администратор в форме. И они стоят рядом. Слишком близко друг к другу.

Она что-то говорит, Влад склоняется к ней, отвечает. И улыбается.

Улыбается так, как улыбался утром мне.

— Я же говорю, страшная женщина в гневе, — подмигивает Таня.

— Пойдём. Думаю, что-то придумаем.

— Ага, будем на месте по ситуации ориентироваться.

Мы выходим из машины.

Ноги ватные, но я иду быстро, решительно. Каблуки глухо стучат по плитке перед входом. Я автоматически поправляю капюшон, хотя уже поздно прятаться, если Влад обернётся, увидит меня в любом случае.

Двери раздвигаются.

В холле тепло. Пахнет кофе и чем-то сладким, ванильным. На диванах сидит пара командировочных, кто-то листает те-

лефон. Администратор вежливо улыбается.

Я сканирую взглядом пространство. Их нет у стойки. Зато лифт закрывается.

Сердце ухает вниз.

— Они наверх, — шепчу.

Таня хватает меня за локоть.

— Яра, остановись. Ты сейчас ничего не решишь.

— Я должна увидеть.

— И что? Вломишься в номер?

Администратор бросает на нас заинтересованный взгляд.

Я заставляю себя сделать вдох. Встаю перед стойкой, чувствуя, как под ладонями холодит гладкая поверхность. Пальцы дрожат, и я прячу их, сцепляя в замок.

Администратор — девушка лет двадцати пяти, аккуратный пучок, бейджик с именем “Алина”. На её лице вежливая, нейтральная улыбка.

Сейчас она меня бесит.

— Добрый вечер, — говорит она. — Чем могу помочь?

Я открываю рот, но слова застревают. Горло будто стянуто проволокой.

Таня берёт инициативу на себя.

— Девушка, к вам только что заселилась пара. Мужчина и женщина. Мужчина — высокий, в тёмном пальто. Они прошли минут пять назад.

Улыбка у Алины остаётся, но становится более официальной.

— К сожалению, я не могу разглашать информацию о гостях.

— Нам очень нужно знать, в каком они номере, — выдаю я, и голос всё-таки предательски дрожит.

— Я понимаю, но это конфиденциальная информация.

Конечно, конфиденциальная. Их номер — конфиденциальный. Мой брак — нет.

Таня делает шаг ближе, понижает голос.

— Слушайте... Это её муж.

Алина моргает.

— В смысле?

— В прямом. Муж. Законный. А эта... дама — не его жена.

Повисает пауза. Я впервые поднимаю взгляд прямо на администратора.

— Я не собираюсь устраивать дебош, — говорю тихо. — Мне просто нужно убедиться. Понять. Пожалуйста.

Слово “пожалуйста” даётся тяжелее всего.

Алина смотрит на меня уже не как на очередную клиентку. Её взгляд меняется, в нём появляется что-то живое, человеческое.

— Вы уверены? — спрашивает она осторожно. — Может, это коллега? Командировка?

Я усмехаюсь горько.

— Коллег в гостиницы с таким выражением лица не заселяют.

Таня тихо фыркает.

Алина опускает глаза, потом снова смотрит на меня.

— Мне тоже изменял парень, — говорит она неожиданно.

— Три года вместе. И я узнала... случайно. Тоже думала, что показалось. Если бы тогда мне кто-то помог, а не делал вид, что “это не моё дело”...

Она замолкает. Секунда. Две.

— Я не могу официально назвать номер, — произносит она тише. — Но... лифт останавливался на пятом этаже. И ключ-карту я выдавала на... — она бросает быстрый взгляд в монитор, почти незаметно, — ...номер с видом на парковку.

— Спасибо, — выдыхаю я.

И это не формальность. Это благодарность женщине, которая решила быть человеком, а не инструкцией.

— Только... — добавляет Алина, глядя на меня серьёзно.

— Пожалуйста, без скандалов. Камеры везде.

— Мы тихо, — кивает Таня. — Как мыши.

Мы отходим от стойки. Я поднимаю глаза к потолку, будто могу сквозь перекрытия увидеть их номер.

Мы заходим в лифт.

Двери закрываются мягко, бесшумно. В зеркале напротив я вижу своё отражение — бледное лицо, напряжённые губы, глаза слишком тёмные. Рядом Таня. Спокойная снаружи. Но я вижу, как у неё ходят желваки.

Цифры загораются одна за другой. В животе неприятно тянет.

Лифт звякает и двери открываются.

Мы выходим в длинный коридор, устланный мягким ковролином.

— С видом на парковку, — шепчет Таня.

Мы подходим к окну в торце коридора. Да. Внизу — наша машина. Значит, номера справа.

Я считаю двери. Одна, вторая, третья. У одной из них та самая сторона, где окна выходят прямо на стоянку.

— Этот, — говорю я.

Таня смотрит на меня внимательно.

— Ты уверена?

Нет. Но киваю.

Подхожу ближе. Ладонь за висает в воздухе. Я чувствую, как кровь шумит в ушах.

И стучу несколько раз.

Щёлкает замок и дверь приоткрывается.

И я сталкиваюсь со взглядом брюнетки.

Ухоженная. Волосы гладкие, блестящие, спадают на плечи. Лёгкий макияж, но такой, что подчёркивает всё. На ней платье из тех, что выглядят дороже моей одежды вместе взятой.

Она смотрит на меня в упор с интересом. Её взгляд скользит по моему лицу, по капюшону, по Тане за спиной. И в уголках её губ появляется усмешка.

— Обслуживание номеров не нужно, — произносит она ледяным тоном.

И захлопывает дверь перед моим носом.

Дорогие читательницы,
В литмобе "Отставка предателю" вышла новинка
Лера Корсика "Развод. Позывной "Свобода""

<https://litnet.com/shrt/FiEE>

— Дайте мне ключ от номера. Я его жена!

— Но нам не положено... с вашим мужем в номере прописана другая женщина... — нервно заламывала пальцы девочка на ресепшене дорогого отеля.

— Очень интересно... И кто же?

— Вика? — меня окликнул растерянный голос мужа.

Волевым усилием я натянула самую благожелательную из своих ехидных улыбок и повернулась к нему лицом.

Глава 8 Ярослав

Я всего на секунду замираю, открыв рот, а затем разворачиваюсь к Тане.

— Ты это видела?

Голос у меня сиплый, будто я простудилась.

— Она явно берега попутала. По взгляду видно, она тебя знает, Яр. И знает, что ты жена Жарова.

Я прокручиваю в голове её выражение лица. Ни тени растерянности, ни капли страха. Только насмешка и уверенность.

Знает. И всё равно открыла дверь.

— Я ей этого просто так не спущу. Думала безнаказанно запрыгнуть на него в гостинице? Фигушки. Как раскатала губу, так и закатает.

Я полна холодной, колючей решимости. Шагаю в сторону лестницы.

Ковролин глушит шаги, но они отзываются во мне гулками ударами сердца.

— Ты далеко собралась?

— Надо найти кнопку пожарной тревоги.

Таня резко хватает меня за рукав.

— Ты серьёзно?

— Более чем.

Мы идём по коридору. Свет мягкий, жёлтый, стены оди-

наковые, двери одинаковые — всё это вдруг кажется декорацией.

Где-то на этаже она должна быть обязательно. Я помню по школе: на каждом уровне аварийные выходы, сигнализация. Уйти вниз по лестнице будет самым безопасным путём отхода. В суматохе никто не станет смотреть на лица.

Будет сирена, паника, толпа народа. И мы незаметно исчезнем.

Ближе к лестнице действительно нахожу красный пластиковый короб на стене. С надписью “При пожаре разбить стекло”.

Сердце колотится. Я подвисяю на секунду. Это уже не просто слезка. Это шаг за грань.

— Яра... — тихо предупреждает Таня.

Но я уже достаю ключи от квартиры из кармана. Металл холодный, пальцы слегка скользят. Самым длинным ключом ударяю точно в центр стекла.

Звук неожиданно тихий. Раздаётся хруст, и стекло идёт трещинами, как паутина. Осколки осыпаются внутрь корпуса.

Я даже на секунду удивляюсь, как легко оно поддалось. Нажимаю кнопку. В ту же секунду коридор разрывает пронзительный вой сирены.

Из динамиков начинает звучать автоматическое объявление с требованием немедленно покинуть помещение. Двери вокруг начинают открываться. Кто-то выглядывает, кто-

то сразу выходит в коридор.

— Тань, бежим.

Мы срываемся к лестнице.

Дверь аварийного выхода распахивается легко. Внутри — бетонные пролёты, металлические перила, гул сирены отражается эхом.

Сверху уже слышны шаги. Голоса. Недовольные, сонные, испуганные.

Я не думаю о последствиях.

Я думаю только о том, как сейчас они будут вынуждены выйти. И как ей уже не до усмешек.

Выбежав наружу, обнаруживаем, что мы на заднем дворе. Узкий асфальтовый проезд, контейнеры для мусора у стены, тусклый фонарь над служебной дверью. Воздух пахнет чем-то с кухни, видимо, вытяжка ресторана выходит сюда же.

Я на секунду останавливаюсь, прислушиваясь. Сирена воет и здесь, но уже глуше. Где-то хлопают двери, раздаются голоса. Со стороны центрального входа начинается движение, туда стягиваются постояльцы.

Значит, администратор нас не увидит, и связать нас без доказательств со случившимся не сможет. Есть ли там камеры в коридорах — большой вопрос. Даже если и да, будем решать проблемы по мере их поступления.

— Быстро, — шепчет Таня, хотя вокруг никого.

Мы огибаем здание вдоль стены. Каблуки цокают по асфальту слишком громко, и я злюсь на себя за это. На пар-

ковке не так много авто, служебные машины и пара тёмных седанов.

Нашу нахожу сразу. Таня щёлкает сигнализацией.

Мы запрыгиваем в машину, хлопаем дверцами.

— Кажется, никто за нами не наблюдал, — оглядываюсь и внимательно провожаю взглядом гостиницу в зеркале заднего вида.

На фасаде мигают огни, люди выходят на улицу, кто-то уже достаёт телефоны. Суета набирает обороты.

— Им не до нас, ты же знаешь, что мы им подкинули занятие на полночи, — спокойно отвечает Таня. — Пока всё осмотрят, пока составят нужные протоколы. Да и Владу точно не до секса.

Я невольно хмыкаю. И внутри, к моему собственному удивлению, становится чуть легче.

— Мне даже жалко Алину, — говорю тише. — Подставили хорошую девушку.

Перед глазами её сочувственный взгляд.

— Что есть, то есть, — пожимает плечами Таня. — Она взрослая. Разберётся. Слушай, давай роллов закажем?

Я поворачиваюсь к ней.

— Ты серьёзно?

— Более чем. После такого стресса нужны углеводы и сыр.

Пока едем к Тане, беру телефон и открываю приложение доставки. В единственной на весь город сушиной выбираю самые вкусные, с лососем, угрём, запечённые, острые. Добав-

ляю мисо-суп, соевый соус, имбирь.

Пальцы больше не дрожат.

В ближайшем супермаркете покупаем хорошее вино. Я долго стою у полки, разглядывая бутылки, и беру не самое дешёвое. Сегодня можно.

Когда снова сажусь в машину, адреналин ещё гуляет по венам, но поверх него уже накатывает усталость.

У Тани дома тепло и спокойно. Свет на кухне мягкий, жёлтый, за окном темнота, будто весь мир сузился до этого стола, роллов в коробках и двух бокалов. Мы едим жадно, молча первые несколько минут. Имбирь щиплет язык, запечённые роллы с острым соусом обжигают нёбо, но это даже приятно — чувствовать что-то простое и понятное.

Я позволяю себе один бокал вина. Неспешно, маленькими глотками. Алкоголь мягко разливается по телу, снимает внутреннюю дрожь, но я останавливаюсь на этом. Второй Таня предлагает почти сразу, но я качаю головой. Мне важно сохранить ясность. Не хочу завтра проснуться и думать, что всё это мне привиделось в пьяном бреду.

Меня начинает клонить в сон неожиданно резко. Словно кто-то выключает рубильник. Адреналин выгорел, оставив после себя пустоту и тяжесть. Я сижу, подпирая щеку ладонью, и понимаю, что если сейчас закрою глаза, усну прямо за столом.

— Оставайся, — мягко говорит Таня. — Куда ты по-прёшься на ночь глядя? Постелю в зале.

Я смотрю на неё благодарно. И на секунду действительно хочется остаться. Спрятаться. Отложить возвращение в ту квартиру, где пахнет Владом, где его рубашки висят в шкафу, где всё ещё наша общая жизнь.

Но я качаю головой.

— Нет. Я пойду домой.

Домой. Странное слово. Сегодня оно звучит почти насмешкой.

Таня не спорит. Только вздыхает и крепко обнимает меня в прихожей.

На улице прохладно. Ночь тихая, безветренная. Я иду медленно, держа руки в карманах. Голова гудит, мысли путаются. Я стараюсь не представлять, вернулся ли Влад. Если вернулся — что скажет. Если не вернулся — что это значит.

Подхожу к своему дому и вдруг замечаю движение у подъезда. Маленький рыжий комочек сидит у ступенек и жмётся к стене. Щуплый, взъерошенный, с огромными ушами и слишком большими для мордочки глазами.

Он видит меня и осторожно делает шаг вперёд. Потом ещё один. И вдруг, будто решившись, подходит почти вплотную к моим ногам.

Эй, усатый, ты откуда тут?

Я присаживаюсь на корточки. Котёнок тянется ко мне, трётся о джинсы, тихо мурлычет, едва слышно, но настойчиво. Худой. Рёбра почти прощупываются, когда я осторожно провожу рукой по его спине.

— Потерялся? Или тоже сегодня от кого-то сбежал? — бормочу я.

Он поднимает на меня мордочку и смотрит так, будто я — его последняя надежда.

Я вздыхаю, подхватываю его на руки. Он лёгкий, почти невесомый, и сразу устраивается удобнее, утыкаясь носом мне в куртку.

— Ладно, усатый. Пойдём. Посмотрим, что с тобой делать.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Отставка предателю" вышла новинка
Гайдэ, Николь До "Развод. Под защитой офицера"

<https://litnet.com/shrt/mMm1>

ГАЙДЭ НИКОЛЬ ДО

Говорят, подполковник Соболев сделан из стали и льда. Его боятся, ему подчиняются, а я... я просто стараюсь не встречаться с ним взглядом, чувствуя, как он видит меня насквозь.

Мой муж ненавидит его, ведь Соболев - единственная преграда на пути к заветным погонам.

Я пришла на праздник, чтобы поддержать мужа, а оказалась свидетельницей заговора. Мой муж и его любовница запланировали "несчастный случай", который превратит Романа Соболева в тень.

Теперь у меня есть всего несколько минут, чтобы спасти человека, которого мой муж считает своим главным врагом, и единственный способ сделать это - самой шагнуть в бездну. В этом мире лжи я больше не буду "бледной молюю".

Теперь я та, кто перевернет доску и изменит правила игры.

Глава 9 Ярослав

Кот, мгновенно осознав, что его не выкидывают за порог, а наоборот, берут с собой в сытую жизнь, принимается урчать и тереться о меня всем телом. Урчание сначала тихое, будто он проверяет, можно ли здесь расслабиться, а потом становится уверенным, вибрирующим. Он трётся щекой о моё запястье, о рукав куртки, о подбородок, если я наклоняюсь слишком близко.

— Друг, у тебя случайно блох нет? А то мне ещё с детьми занятия вести.

Я пытаюсь сказать это строго, но выходит смешно и ласково. Кот при этом делает вид, что он ничего не слышал, и с усердием оставляет на мне шерсть. Рыжие яркие волоски уже видны на чёрной ткани.

Дверь в квартиру закрывается за нами с привычным щелчком. В прихожей полумрак, пахнет домом, немного моим парфюмом, немного... Владом. Я машинально задерживаю дыхание и прохожу дальше.

Котёнок осторожно спрыгивает на пол и тут же начинает исследовать территорию. Сначала маленькими шажками, почти на цыпочках. Нюхает коврик, тумбочку, угол стены. Потом осмеливается и делает круг по коридору.

У нас никогда не было животных, хоть я и намекала периодически, что хотела бы кого-то завести. Кошку или хотя бы

собаку маленькую. Но постоянные переезды мешали этому. Съёмные квартиры, временные адреса, чемоданное настроение. А потом я как-то свыклась, и когда мы оказались тут, не поднимала эту тему. Казалось, сначала надо определить-ся, понять, где мы будем дальше.

Теперь всё это звучит особенно глупо.

И вот, рыжик решил за нас, что настало время.

Я снимаю куртку, разуваюсь, а он тут же оказывается рядом, задирает мордочку, будто проверяет, я никуда не исчезну? Провожу рукой по его спине. Худой. Косточки чувствуются.

Сейчас поздний вечер, все зоомагазины закрыты, как и пункты выдачи маркетплейсов. Остаётся надеяться, что пока что моему гостю хватит молока, а до туалета он дотерпит. С утра сразу же куплю ему лоток.

На кухне включаю свет. Он щурится, но не отходит. Стоит у порога, хвост трубой, усы настороженно торчат вперёд.

Выуживаю открытую коробку и наливаю молоко в блюдце, которое ставлю на пол. Кот с усердием принимается ласкать его, смешно поджимая переднюю лапку и косясь на меня, будто боится, что я передумаю и отниму.

Я опираюсь о столешницу и просто смотрю.

Маленький, голодный, доверчивый.

Стоит мне только вернуться в коридор, чтобы проверить телефон, бросить сумку, как он топает за мной и наблюдает. Прямо по пятам. Его коготки тихо цокают по ламинату.

— Ты не хочешь есть один? Хорошо, я поняла.

Возвращаюсь с ним на кухню и присаживаюсь на корточках рядом. Он снова принимается за молоко, уже спокойнее, без жадности.

Я глажу его по спине, и он урчит ещё громче.

В квартире впервые за долгое время появляется другой звук. И от этого становится чуть менее одиноко.

Раздумываю, что же дальше делать. Неплохо бы помыть его. Неизвестно, где он ходил и как долго. Подвалы, подъезды... Да и мало ли что. Опять же, специального шампуня у меня нет. Поэтому я, не вставая с пола, тянусь к телефону и начинаю листать статьи. Может, подойдёт хозяйственное мыло?

Читаю одно, второе, третье. Везде примерно одно и то же: нельзя. Сушит кожу, раздражает, для котят особенно опасно. Максимум — тёплая вода, если уж совсем необходимо. И без фанатизма.

— Ну что, рыжий, будем просто ополаскиваться, — вздыхаю я.

Он, конечно, не в курсе, что его ждёт.

Я иду в ванную, включаю свет. Закрываю дверь, чтобы он не рванул исследовать квартиру в самый неподходящий момент. Ванну наполнять не решаюсь, вдруг запаникует. Лучше аккуратно под душем.

Ставлю его на коврик. Он тут же начинает осматриваться, нюхать край ванны, шторку, мусорное ведро.

— Сейчас будет весело, — предупреждаю я.

Когда я включаю воду, тонкая струя шуршит по эмали. Котёнок замирает. Уши прижимаются. Глаза становятся круглыми.

— Тихо-тихо, это просто вода.

Беру его на руки. Он тёплый, маленький, доверчивый. На секунду мне даже неловко, предательство какое-то.

Осторожно ставлю его в пустую ванну и начинаю поливать тёплой водой из душа, делая напор минимальным. Первые капли падают на спину.

Реакция мгновенная.

Он вздрагивает, пытается вывернуться, цепляется коготками за край ванны. Я одной рукой придерживаю его под грудью, другой направляю воду.

— Всё хорошо, всё хорошо... Я с тобой.

Говорю это больше себе.

Он жалобно мяукает, тонко, возмущённо. Сердце сжимается, но я продолжаю. Шерсть быстро намокает, прилипает к телу, и он становится ещё меньше, ещё хуже на вид.

Я аккуратно провожу рукой по спине, смывая пыль и уличную грязь. Вода стекает сероватой струйкой в слив. Значит, не зря решилась.

Голову не трогаю. Только тело и лапки. Он периодически пытается выскочить, но силёнок мало. Скорее больше возмущения, чем реального сопротивления.

— Всё, почти всё, потерпи.

Через пару минут выключаю воду. В ванной сразу становится тихо. Слышно только его учащённое дыхание и моё собственное.

Заворачиваю его в большое полотенце. Он мгновенно замирает, только нос торчит наружу. Глаза огромные, обиженные.

— Прости, усатый. Надо было.

Аккуратно промакиваю шерсть, не тру, чтобы не пугать сильнее. Он постепенно начинает расслабляться. Даже тихо урчит — неуверенно, но уже без паники.

Когда я выпускаю его из полотенца на пол, он стоит секунду, потом резко начинает вылизываться, приводить себя в порядок, будто смывает с себя это унижение.

Я сажусь прямо на край ванны и смотрю на него.

Времени уже много, надо бы лечь. Я выключаю свет на кухне, проверяю замок на двери и забираю кота с собой в спальню. Он сначала пытается прошмыгнуть в коридор, но я ловлю его на руки.

— Нет уж, дружок. Сегодня ночуем вместе.

Плотно закрываю дверь. Не знаю, придёт ли Влад домой, и если придёт, в каком настроении. Но шокировать его рыжим сюрпризом среди ночи не стоит. И вообще, мне нужно хоть немного своего пространства.

Котёнок сначала суетится на кровати, мнёт лапками покрывало, кружится, выбирая место. Потом устраивается у меня под боком, прижимается тёплым комочком к животу и

начинает тихо урчать. Это урчание действует лучше любого снотворного.

Я глажу его по влажноватой ещё шерсти и чувствую, как проваливаюсь в сон.

Утром меня будит не будильник. И не кот.

В коридоре раздаётся резкая ругань. Глухой удар, как будто что-то швырнули о стену.

Я резко открываю глаза. Котёнок тоже поднимает голову, уши торчком.

— Чёрт! Да что за... — голос Влада.

Сердце делает неприятный кульбит. Значит, он пришёл. И, судя по интонации, не в лучшем расположении духа.

Я выскакиваю из комнаты, на ходу запахивая халат. Котёнок, конечно же, несётся следом, хвост трубой, будто это утреннее шоу исключительно для него.

В коридоре стоит Влад, уже собранный на работу. Одной рукой он держится за стену, другой брезгливо стягивает носок с ноги. Лицо перекошено.

— Что случилось?

Он поворачивается ко мне. Взгляд злой, раздражённый.

— Это ты мне скажи! Откуда в моих ботинках вонючая лужа?

Дорогие читательницы,

В литмобе "Отставка предателю" вышла новинка

Евгения Вечер "Развод. Приказ: забыть и выжить"

<https://litnet.com/shrt/XmAH>

Eb
BE

– Конечно, лапуль, продолжай... - гортанный стон моего мужа, вышибающий на мгновение почву из-под ног. – Детка, я тоже скучаю. На выходных я у тебя. Закажем твои любимые роллы, возьмём вина. Побалую свою принцессу.

Лапуля... детка... принцесса... это уже переходит все границы.

В полуобморочном состоянии я хватаю ручку двери и тяну её на себя, но Серёжа предусмотрительно заперся.

Шум в ванной затихает. Мгновение, и дверь распахивается, пролетев прямо у меня перед носом.

– Маша, - устало морщится мой муж. - Ты почему до сих пор не спишь?

...

Тринадцать лет служения мужу, дочь подросток, налаженная привычная жизнь... и всё закончилось его “интрижкой”.

Я была его служгой. Прикрывала тыл, берегла нашу семью, бесконечно ждала, как и положено жене офицера. Достаточно...

Пришло время вспомнить о себе!

Глава 10 Ярослава

Быстро соображаю, что произошло. Кошусь на кота, раздумывая, в какой момент маленький хитрец мог повернуть своё грязное дело. Видимо, пока я ночью вставала попить воды и на секунду оставила дверь приоткрытой. Ему хватило и этой секунды — разведка, выбор цели, стратегический удар.

Котёнок сидит в стороне и с самым невинным видом умывает лапку. Ни капли раскаяния. Только деловая сосредоточенность.

Влад с таким грозным лицом смотрит на нас, что я не выдерживаю и прыскаю от смеха, прикрывая рот ладонью. Это нервное, конечно. Но выражение у него такое, будто его предали на государственном уровне.

— Что смешного, Яра? — холодно спрашивает он. — Где мне взять другую обувь? Мне выходить пора.

— Возьми кроссовки, нашёл проблему, — пожимаю плечами, стараясь не продолжать смеяться.

— Проблему нашла ты, как я посмотрю. Откуда у нас это облезлое недоразумение?

Он кивает в сторону котёнка так, будто речь идёт о пакете с мусором, который случайно занесли в дом.

Я автоматически делаю шаг вперёд, будто прикрывая рыжего собой.

— Ничего не облезло. У Апельсина просто было трудное детство. Но теперь с ним всё будет хорошо.

Влад замирает.

— Ты ему ещё и кличку дала? — бросает на котёнка суровый взгляд. — Только не говори, что собралась его оставить. Приведи в порядок, так и быть, а потом дай объявление.

— Я хочу оставить его себе.

Слова вылетают быстрее, чем я успеваю их обдумать. Но, произнеся их, я понимаю — это правда.

— Нет. Он подерёт обои и мебель.

— Ну и что?

— Я не собираюсь делать ремонт.

— Не делай.

— А кто тогда? Может, ты?

— Может, и я, — отвечаю спокойно. — Ну что встал? Бери свои кроссовки и иди.

Котёнок тем временем осторожно подходит к Владу и нюхает его брюки. Влад отступает на шаг, словно перед ним не котёнок, а дикая лиса.

— Убери его от меня.

— Он не кусается.

— Уже убедился, что не только кусается.

Я снова едва сдерживаю улыбку.

Выругавшись, Жаров проходит в кладовку и начинает копаться там в коробках. Слышу шуршание и пару нелестных комментариев в адрес “этого цирка”.

Я опускаюсь на корточки и глажу Апельсина. Он тут же переворачивается на бок, подставляя пузо. Абсолютно счастливый.

Ещё чего, решил за нас с котом, кому оставаться дома. Он хотя бы спал со мной ночью, а не шлялся по бабам. Так что неизвестно, кто из этих двоих более ценный кадр.

Влад возвращается, держа в руках кроссовки. Демонстративно снимает испорченный носок, морщась, будто это не просто ткань, а биологическая угроза. Бросает его в сторону ванной.

Надевает чистые носки медленно. Чтобы я точно прочувствовала масштаб трагедии.

Переобувается.

— Это ненадолго, — сухо говорит он. — Я не собираюсь жить в зоопарке.

Я выпрямляюсь.

— А я не собираюсь жить с человеком, который считает живое существо мусором.

Он на секунду замирает, но ничего не отвечает.

— Не хочешь рассказать, где был ночью?

Я стою в прихожей, скрестив руки на груди. Апельсин трётся о мою щиколотку, будто тоже ждёт ответа.

— Не хочу.

Он даже не поднимает глаз. Завязывает шнурки сосредоточенно.

— А я бы с удовольствием послушала.

Я стараюсь говорить спокойно, но голос всё равно чуть звенит от напряжения.

— Яра, я сейчас очень занят, — раздражённо выдыхает он. — У меня нет времени ни на поспать толком, ни на по-
жрать. Давай я стану посвободнее, и ты задашь мне все свои
вопросы.

Он выпрямляется, берёт пиджак, проверяет телефон. Ни
тени смущения. Ни попытки хотя бы сыграть виноватого.

Чем таким ты занят, дорогой муж, интересно. Обхажива-
нием новой женщины? Бронированием номеров? Или вы так
устали ночью, что теперь действительно не спали?

А старую отправил на свалку без объяснений?

Я смотрю на него и вдруг понимаю — самое обидное не
в измене. В этой отстранённости. Будто я — надоедливый
пункт в расписании, который снова и снова можно перено-
сить на потом.

Такое у меня острое желание возникает, чтобы Апельсин
ему ещё раз в кроссовок облегчился, а ещё лучше кучу на-
ложил, чтобы врать в глаза было неповадно. Чтобы хоть что-
то вывело его из этого удобного равновесия.

Чувствую себя такой душой, просто уму непостижимо.
Это же надо, так доверять мужчине, который спустя десять
лет брака даже не может честно признаться, что больше не
любит. Или любит, но не меня. Или вообще не считает нуж-
ным что-то объяснять.

— Я просто спрашиваю, — тихо говорю я. — Ты же по-

нимаешь, что я не дура.

Он на секунду задерживает на мне взгляд.

— Я сказал, позже.

Удобное слово, растяжимое. Без определённого срока.

Отпусти и строй новые отношения, разве это не честнее по отношению к супругу? Разве так сложно сказать: “Я больше не хочу быть с тобой”? Это больно, да. Но хотя бы ясно.

Я вдруг ощущаю странное спокойствие. Злость никуда не делась, но она становится холодной.

— Хорошо, — киваю я. — Поговорим позже.

Он, кажется, даже рад, что я не продолжаю.

Хлопает дверью.

Тишина снова заполняет квартиру.

Апельсин смотрит на меня снизу вверх.

— Ничего, — говорю я ему. — Мы тоже будем очень заняты.

Мне ведь нужно успеть не только на работу, но и в зоомагазин.

Поэтому я предупреждаю Таню:

— Дашь седьмому классу тест, я тебе скину его? Мне придётся опоздать. Надо срочно в зоомагазин.

— Дам. А зачем тебе?

— Я вчера подобрала котёнка. А у меня ни лотка, ни наполнителя, ни корма. Он, конечно, нашёл себе подходящий туалет в ботинках Жарова, но, как ты понимаешь, тот порыва не оценил.

— Я уже его заочно люблю-не могу, — не стесняясь, смеётся. — Покупай этому герою всё, что нужно. Птенчики под присмотром.

Дорогие читательницы,
В литмобе "Отставка предателю" вышла новинка
Лада Зорина "Развод. Разжалован в бывшие"

<https://litnet.com/shrt/963j>

Лада 3

— Мой дом — мои правила! — рыкнул муж.

— Как и правило жить на две семьи? — всхлипнула я. — Тогда мне нет места в этом доме!

— Чушь не мели, — понизил он голос. — Я тебя не отпускал!

— А я не твой рядовой, чтобы приказы твои идиотские слушать!

— Уймись, Нина. Мне сейчас не до истерик.

— Ты себе женщину на стороне завёл! С ребёнком! Она ведь твоя, верно? Катя — твоя дочь!

Его взгляд потемнел, сделался грозовым.

— Придёт время — и ты поймёшь. Сын меня понял.

— Я видела! — крикнула я. — Видела, как ты его со своей второй семьёй познакомил!

— И он был свершенно не против, — приговорил меня муж. — И с Катей поладил. У тебя тоже есть шанс всё сделать правильно.

Глава 11 Ярослав

Быстро собравшись, оставляю Апельсина дома. Он крутится под ногами, пытается забраться в сумку, цепляется коготками за край пальто. Я аккуратно отцепляю его, ставлю на пол и строго смотрю в глаза.

— Я ненадолго.

Он, конечно, не верит.

Стоит мне только выйти и повернуть ключ, как с той стороны раздаётся жалобное, протяжное мяуканье. Такое, будто я бросаю его навсегда.

Я на секунду замираю в подъезде, прижав ладонь к двери. Чувство вины накатывает неожиданно сильно.

Но не таскать же мне его с собой постоянно. Ещё к ветеринару вечером с ним идти. Да и вообще — дела никто не отменял. Всё бегом, туда и обратно.

В голове список: лоток, наполнитель, миски, корм, переноска... Господи, переноска! Как я вчера об этом не подумала.

Влетаю в зоомагазин, звякая дверным колокольчиком. Внутри пахнет кормом, сеном и чем-то сладковатым. На полках — разноцветные пачки, игрушки, когтеточки, лежанки. Не теряя времени, иду к продавцу.

— Привет, Юль. Подскажи, что надо котёнку на первое время? Лоток, наполнитель — это понятно. А корм какой?

Юля поднимает голову от кассы, улыбается.

— Привет! У тебя появился кот?

— Сам собой завёлся. Не заметила как, — отмахиваюсь я. — Прости, времени болтать совсем нет. Надо срочно отнести это всё домой и бежать в школу, пока директриса мне нагоняй не устроила.

— Поняла, — смеётся Юля. — Сейчас всё принесу. Маленький совсем?

— Месяца три, наверное. Худой. Рыжий.

— О, рыжие — с характером, — подмигивает она и уходит на склад.

Пока она собирает покупки, я хватаю маленький совочек, миску, пару игрушечных мышек, вдруг пригодятся. Беру переноску попроще, но надёжную. Не хочу потом носиться с котом под мышкой.

Юля возвращается с пакетом корма для котят и маленькой пачкой влажного.

— Вот это бери пока. Щадящий, для адаптации. И глистогонное не забудь, но лучше после осмотра у ветеринара.

— Спасибо, ты спасла меня.

Оплачиваю покупки, пакеты звенят и шуршат. Времени действительно в обрез.

Домой влетаю бегом. Едва открываю дверь, как Апельсин уже тут. Сидит прямо у порога, будто не сходил с места. Глаза огромные, усы торчат в разные стороны.

И снова мурчит, как трактор. Громко, с надеждой.

— Не обольщайся, — вздыхаю я, разуваясь. — Я всё равно убегу.

Он следует за мной хвостом, пока я распаковываю покупки. Лоток ставлю в ванной, в уголке. Сыплю наполнитель, серые гранулы шуршат, как мелкий гравий. Миску ставлю на кухне, насыпаю сухой корм. Он сначала нюхает, потом осторожно пробует, а через секунду уже хрустит с аппетитом.

— Ну всё, товарищ. Веди себя хорошо. Вернусь, угощу тебя влажным кормом.

— Мур, — отвечает он, не поднимая головы.

— Не подлизывайся. И постарайся не делать свои дела в неподобающих местах.

Я оглядываю прихожую и замечаю, что несколько моих туфель и ботинок Жарова стоят на коврикe внизу. После утреннего инцидента это выглядит как провокация.

Предусмотрительно собираю обувь и прячу на полку повыше.

— Так-то лучше, да? Чтобы у тебя не было лишнего соблазна.

Апельсин наблюдает за моими манипуляциями с видом мудрого старца.

Я беру сумку, проверяю телефон, выключаю свет.

— Всё, я побежала.

Он снова мяукает, но уже не так отчаянно.

Мне везёт, директриса наша сегодня на каком-то важном совещании в областном городе, а значит, не знает о моём

опоздании. Надеюсь, никто меня не заложит ей. Коллеги, конечно, умеют сочувственно кивать, а потом невзначай “между делом” донести нужную информацию. Но сегодня коридоры тихие, и я выдыхаю чуть свободнее.

Класс сосредоточенно шуршит ручками и листочками. Кто-то нервно постукивает ногой по полу, кто-то грызёт колпачок. Знаю, они ненавидят такие тесты, да и я не очень люблю их давать, но что поделать — программа сама себя не проверит.

— Простите, ребят, что сегодня так вышло. Обещаю, что на следующем уроке придумаю для вас что-то интересное. А за этот тест дам шанс исправить оценки.

Детские лица тут же смягчаются. Кто-то облегчённо улыбается, кто-то даже тихонько шепчет “ура”. И мне становится теплее. Всё-таки они у меня хорошие.

На моё счастье, сегодня нет уроков у одиннадцатого “А”. Поэтому день проходит легко и быстро. Я почти не чувствую усталости, когда закрываю кабинет и спускаюсь по ступенькам.

Возвращаюсь к коту и навещаю с ним ветеринара. Рыжик прижимается ко мне, цепляется коготками за куртку, но не вырывается. Нам выдают список рекомендаций, осматривают рыжика. Оказывается, он немного старше, ему четыре месяца, а маленький он от недоедания.

Сердце неприятно сжимается. Четыре месяца, а он как трёхмесячный. Лёгкий, костлявый, с огромными глазами на

худенькой мордочке.

Как представляю, какая у него жизнь была, так сразу хочется сделать для него всё, чтобы он забыл это, как страшный сон. Чтобы у него больше никогда не болел живот от голода, чтобы никто не пугал и не прогонял.

Искупав его с уже подходящим шампунем, аккуратно, стараясь не напугать, накормив целым пакетиком корма из утки, укладываюсь с ним на диван, включив любимый познавательный канал на стриминговом сервисе. Он сначала недоверчиво нюхает миску, потом жадно ест, а после, будто стесняется своей жадности, умывается и заползает ко мне под бок.

Знакомый голос ведущего приводит меня в благодное состояние. Поглаживаю за ушком Апельсина, который не отлипает от меня. Его крошечное тёплое тело вибрирует от мурчания, и это вибрация успокаивает меня.

И тут вспоминаю, что в любой момент может прийти Жаров. Меня так бесит его пренебрежительное отношение, а ещё больше молчание, что хочется как-то действовать. Я что, похожа на дурочку, которую можно водить за нос? Нет уж. Я заслуживаю подробных объяснений, чётких и честных.

Если он не хочет мне ничего рассказать, надо его простимулировать. Только как?

Подумав, оглядываю квартиру. Всё аккуратно, чисто, его рубашки постираны и развешаны, кроссовки стоят у двери. Я слишком удобная. Слишком понимающая.

Что такого я могу сделать? Разговоры мне мало помогли.

Влад любит ходить в чистом. Иногда, в жару особенно, меняет одежду каждый день. Пусть до жары пока что далеко, но это вопрос времени, когда он захочет прийти домой. Вот только я его не пущу.

Поднимаюсь с дивана и решительно подхожу к двери. Сердце колотится от какого-то странного возбуждения. Закрываю внутреннюю щеколду, а в замок вставляю ключ и поворачиваю его до упора.

Теперь снаружи он никак не откроет. А я вставлю беруши. Пусть хоть обстучится и обзвонится.

Возвращаюсь на диван, но расслабиться уже не могу. Апельсин чувствует моё напряжение, перестаёт мурчать и поднимает голову, глядя на меня своими янтарными глазами.

На деле против гнева Жарова беруши меня не спасают. Он так настойчиво долбит в дверь, что я боюсь, соседи вызовут полицию. Удары гулко разносятся по подъезду. Да и вообще, начнут обсуждать всем домом наши отношения. Здесь любая новость разлетается быстрее, чем лифт поднимается на этаж.

Снимаю беруши. Шум становится оглушительным.

Подхожу и выглядываю в глазок.

Он стоит вплотную к двери, напряжённый, с перекошенным от злости лицом.

— Яра, я прекрасно знаю, что ты дома. Открывай немедленно!

Дорогие читательницы,

В литмобе "Отставка предателю" вышла новинка

Ирма Шер "Развод. Свободна по собственному приказу"

<https://litnet.com/shrt/ZrzZ>

Пять лет назад я вышла замуж за мужчину, которому была благодарна за всё.

Пять лет я была идеальной женой — верной, терпеливой, понимающей.

Закрывала глаза на слухи. Игнорировала шёпот за спиной. Убеждала себя, что люди просто завидуют.

Пока однажды на меня не начали показывать пальцем открыто.

— Я больше так не могу, Антон...

— Я женился на тебе. Дал тебе всё. Так что живём, как жили. У тебя нет выбора.

Нет выбора?

Он ошибается.

Потому что в этот раз я выберу себя.

Даже если ради этого придётся разрушить его идеальную жизнь.

И начать свою с нуля.

А может... и не с нуля.

Глава 12 Ярослава

— С чего это ты решил, что можешь приходить посреди ночи?

Я не кричу в ответ, наоборот, достаточно тихо спрашиваю, вынуждая и его тоже сбавить обороты. Голос у меня спокойный, но внутри всё дрожит от обиды.

— Куда я, по-твоему, должен приходить? — огрызается он, но тоже уже не орёт. Видимо, понимает, что эхо по подъезду разносится слишком громко.

— Не знаю. Туда, где ты пропадаешь вечерами.

Секунда тишины. Я слышу его тяжёлое дыхание за дверью. Представляю, как он стоит, упершись ладонью в косяк, хмурится.

— На работе я пропадаю.

— Мда. Видимо, ты меня совсем дурой считаешь, — разочарованно прижимаюсь лбом к холодному металлу двери. От него тянет сыростью и сквозняком из подъезда. И от этой прохлады немного легче, она остужает разгорячённые мысли.

— Яра, открой дверь. Мы поговорим нормально.

— Не хочу.

— Хочешь просветить всех соседей?

Нет. Конечно, не хочу. Уже представляю, как завтра баба Люда с пятого будет сочувственно качать головой, а кто-ни-

будь обязательно пустит слух, что у нас всё трещит по швам. Но и его видеть тоже не хочется — слишком много вопросов, на которые он не отвечает.

Тяжело вздохнув, всё же открываю и впускаю Влада. Щёлкада тихо щёлкает, ключ поворачивается, и я отступаю в сторону.

Он заходит решительно, чтобы я не передумала и захлопнула дверь прямо перед носом. Выглядит он каким-то замученным: под глазами тени, рубашка помята. Только чем? Уж не твоей ли тонкой и звонкой брюнеткой? Мысль колет неприятно, и я тут же злюсь на себя за это.

Апельсин выползает из комнаты, лениво потягиваясь, и направляется к Жарову. Обнюхивает его брюки, осторожно касается лапой ботинка. Влад настороженно косится на рыжика, но агрессивных выпадов себе не позволяет. Даже чуть отстраняется, чтобы не наступить на него.

— Ну так о чём ты хотел поговорить? — складываю руки на груди.

— Для начала о том, почему ты решила, что я не имею права ночевать у себя дома.

По тому, как трепещут крылья его носа, видно, что он взбешён. Сдерживается, но с трудом. Челюсть напряжена, пальцы сжаты в кулак.

— Разве тут твой дом?

— У тебя какие-то другие сведения? Интересно послушать.

— Ты же врѣшь мне, Влад. Ну какая работа? — слова сами вырываются быстрее, чем я успеваю их обдумать. — За прошедшие две недели ты только и делаешь, что пропадаешь вечерами не пойми где. Раньше такого не было. Если ты не хочешь возвращаться домой...

Я замолкаю, потому что дальше — страшно. Страшно озвучить вслух то, что уже поселилось в голове.

— Так не пойдѣт, Яр. Ты себя накрутила. Прекращай давай.

Жаров снимает верхнюю одежду, вешает её на крючок, будто и правда никуда не собирается уходить. На рубашке закатывает рукава, демонстрируя свои сильные руки привычным движением. Я слишком хорошо знаю эти руки: как они умеют обнимать, удерживать, успокаивать.

Интересно, брюнетка тоже их успела оценить? Возможно, не только. Такая, как она, своего не упустит.

— Накрутила? — тихо переспрашиваю. — Значит, мне просто показалось, что ты изменился? Что перестал смотреть мне в глаза? Что телефон теперь лежит экраном вниз?

Он замирает на секунду. Совсем крошечную, но я её замечая.

— У меня возникли серьёзные проблемы. Я пытаюсь их решить. И да, это требует много времени. Придѣтся потерпеть.

Он произносит это устало, с нажимом, будто этим словом всё объясняется. Будто этого достаточно, чтобы я смирилась

и молча кивнула.

Глотаю воздух от возмущения.

— Ну какие такие проблемы? — голос звенит. — Неужели нельзя в единственный день, когда ты сам пригласил меня в ресторан, выделить на это время?

Перед глазами вспыхивает тот вечер.

— Яра, я пытаюсь оградить тебя от лишних переживаний. Поэтому прошу, доверься мне.

Его слова звучат абсолютно сюрреалистично. Как будто мы в каком-то плохом сериале, где героиня обязана верить, потому что так надо. О каком доверии может просить человек, который был в гостинице с другой? Это настолько он уверен в себе, получается? И в том, что я ни о чём не узнаю?

Не хочу, чтобы меня водили за нос. Но получается, что мы зашли на очередной виток лжи. И это так ужасно скребёт душу, что сил молчать не остаётся. Внутри будто наждачкой по живому прошлись.

— А теперь послушай ты меня. Я видела тебя с любовницей. Остановись, Влад. Хватит врать. Выглядит нелепо — взрослый мужчина не может сказать жене, что она его больше не устраивает.

Всхлипываю, давая истерику в зародыше. Горло сжимается, глаза щиплет. Не стоит показывать слабость. Он только и ждёт, чтобы назвать меня истеричкой.

— Катя? — он морщится, будто имя ему неприятно. — Она не любовница. Она мне помогает в моём деле.

— Да-да. Я всё не так поняла, — усмехаюсь сквозь слёзы.
— Глупая жена должна помочь развесить лапшу на уши так, чтобы она не сваливалась при каждом движении.

Он раздражённо выдыхает.

— Яра, прекращай. Я абсолютно честен. Зачем мне врать?

— Вот и я не пойму, — качаю головой. — Мне говоришь одно, а сам едешь с ней по гостиницам и ресторанам, куда мне хода нет.

Я помню этот холл, их отражение в стеклянных дверях, её руку у него на предплечье. Слишком близко для деловых вопросов.

Он прищуривается и в момент меняет настрой. Я замечаю. Из позиции жертвы мигом переходит в нападение. Плечи расправляются, взгляд становится холодным, оценивающим.

— Я не понял. Ты что, за мной следишь что ли?

Вот оно. Перевести стрелки. Сделать виноватой меня.

— А если и так? — скидываю подбородок, хотя внутри всё сжимается. — Может, у меня были причины?

— Это ненормально, Яра. — Его голос становится жёстче.
— Ты переходишь границы.

— Границы? — смеюсь коротко, нервно. — Ты серьёзно сейчас говоришь мне о границах?

Он делает шаг ко мне, и я автоматически отступаю.

— Ты бы просто сказал правду, — тихо добавляю. — Одну. Без прикрас. И мы бы не стояли сейчас вот так.

В коридоре раздаётся подозрительный шорох, и я дёргаюсь. Только этого не хватало, чтобы Апельсин сейчас устроил диверсию с обувью Влада. Представляю, как Жаров получит ещё один повод обвинить меня во всех смертных грехах.

Я выхожу в коридор.

Картина маслом: рыжий комок сосредоточенно скребёт лапами возле Владовых кроссовок. Причём с таким видом, будто выполняет важную миссию. Сердце ухает вниз.

— Апельсин! — шепчу резко и подлетаю к нему.

Он замирает, поднимает на меня круглые глаза и снова начинает закапывать. Я хватаю кроссовок, переворачиваю, ощупываю. Сухо.

Выдыхаю так шумно, что сама пугаюсь. Даже ладонь к груди прикладываю, сердце колотится как сумасшедшее.

— Фух... ты меня чуть до инфаркта не довёл, — бормочу и подхватываю его на руки.

Он тёплый, лёгкий, пахнет шампунем и немного кормом. Утыкается носом мне в шею, будто вообще не понимает, в чём проблема.

Я несу его в ванную. По пути ловлю на себе взгляд Влада. Он стоит в проёме кухни, наблюдает молча. Но сейчас мне важнее рыжий воспитательный момент.

Ставлю Апельсина рядом с лотком, присаживаюсь на корточки.

— Смотри, — говорю ему серьёзно, будто он всё понимает. — Вот сюда надо. Не кроссовки, не ковёр, не тапки. Вот

сюда.

Лёгким движением показываю на наполнитель. Он осторожно нюхает край, потом переступает внутрь. Замирает. Оглядывается на меня.

— Молодец. Давай. Всё правильно.

Я чувствую себя немного глупо, разговаривая с котёнком как с ребёнком, но одновременно это странно успокаивает. Есть простая задача. Понятная.

Апельсин начинает скрести наполнитель. Я затаиваю дыхание.

Он кружится, примеряется. Я жду, не свожу с него глаз.

— Давай, рыжий... — шепчу.

И в этот момент мне вдруг приходит в голову абсурдная мысль: с котёнком договориться проще, чем с собственным мужем. С ним хотя бы понятно, если объяснить и показать, он научится. А с Владом... я уже не уверена, что он вообще хочет что-то понимать.

Мои хорошие,

У меня вышла новинка "Развод. Его тайна сломала нас"

<https://litnet.com/shrt/BG9Z>

Буду рада видеть вас в ней!

В годовщину свадьбы на пороге нашего дома появилась бывшая моего мужа с ребёнком.

— Я — Эля, а эта чудесная малышка — Алиса. Кстати, она дочь Юры.

Я люблю своего мужа, вот только я не готова делить его с прошлым и стать матерью чужой девочке, которая смотрит на меня его глазами, ведь я и сама скоро стану мамой.

Глава 13 Ярослава

Как только выхожу из ванной, тихо прикрываю за собой дверь и на цыпочках пробираюсь к балкону. Нужно пару минут тишины. Воздуха. Пространства, где никто не смотрит на меня этим тяжёлым, обвиняющим взглядом.

Повезло — Жаров ушёл в спальню. Слышно, как там скрипнула кровать, потом хлопнул ящик комода. Значит, переодевается или демонстративно укладывается спать. Иначе пришлось бы снова объясняться, снова прокручивать одни и те же слова по кругу.

Я выхожу на балкон и прикрываю за собой дверь. Стекло приглушает звуки квартиры, оставляя меня наедине с вечерним городом. От окон тянет прохладой, где-то лает собака, редкие машины шуршат по мокрому асфальту. Фонари отбрасывают мягкий жёлтый свет на двор.

Но это я заслуживаю с его стороны хоть одного внятного слова. Хоть одного честного объяснения. А получаю нападки, упрёки и попытки выставить меня сумасшедшей.

Опираюсь ладонями о холодные перила. Металл остужает кожу, а вместе с ней и мысли. Ни за что не отступлю, пока не пойму, в чём дело. Не хочу жить в догадках, выискивать намёки в каждом его взгляде, в каждом позднем возвращении.

Если допустить, что у Влада действительно есть какие-то причины, то к чему эти тайны? К чему гостиницы, приглу-

щённые разговоры? Больше похоже, что меня обманывают, пользуясь тем, что я должна быть не в курсе ситуации. Мол, жена дома, кот накормлен, ужин разогрет, что ей ещё надо.

Кошусь на сигареты и зажигалку, оставленные мужем — когда-то Влад баловался “по праздникам”. Я терпеть не могла этот запах и каждый раз ворчала. А сейчас вдруг впервые в жизни чувствую, что это та самая ситуация, когда я была бы не прочь попробовать. Чтобы обжечь лёгкие, закашляться и хотя бы физически почувствовать, что боль — вот она, понятная, телесная.

Беру сигарету из пачки. Тонкая, белая, почти невесомая. Подношу к ней зажигалку. Щёлк — искра вспыхивает, маленький язычок пламени дрожит на ветру. Я смотрю на него секунду, две.

И в итоге кладу всё обратно.

Не хватало ещё портить здоровье из-за этого. Из-за него.

Я ведь сама проповедую своим птенчикам пользу здорового образа жизни. Рассказываю им про ответственность, про уважение к себе, про то, что вредные привычки — это не выход, а слабость. Мои слова обесценятся, если я буду курить, выпивать или, не дай бог, употреблять что-то пострашнее. Дети чувствуют фальшь мгновенно.

Хватает того, что я частенько не могу отказать себе в печенье или конфете с чаем. И то потом мысленно ругаю себя за лишний сахар.

Обнимаю себя за плечи и медленно выдыхаю в тёмный

воздух. Мне не сигарета нужна. Мне нужна правда. Простая, жёсткая, возможно болезненная, но правда.

И я её получу. Даже если для этого придётся перевернуть всю нашу “идеальную” жизнь вверх дном.

Не хочешь со мной разговаривать? Не надо. Я тоже умею молчать.

С этой мыслью захожу в спальню. Влад уже разулся, рубашка висит на спинке стула, он что-то листает в телефоне, делая вид, что меня не существует. Ни взгляда, ни слова. Как будто только что не орал в коридоре и не обвинял меня в слежке.

Демонстративно беру подушку, стаскиваю своё одеяло. Оно соскальзывает на пол, я поднимаю его нарочито неторопливо, хотя внутри всё дрожит. Пусть видит. Пусть понимает, что я не собираюсь притворяться, будто всё нормально.

Делить с ним одну спальню не буду.

Разворачиваюсь и выхожу, не достаивая его ни словом. В спину мне летит тяжёлое молчание. Почти физически ощущаю его взгляд между лопаток.

В гостиной полумрак. Свет фонаря из окна ложится полосой на диван. Я раскладываю его, стелю плед, взбиваю подушку. Всё это кажется странно символичным, будто я не просто перемещаюсь в другую комнату, а отодвигаю от себя целый пласт нашей жизни.

Устраиваюсь поудобнее, укутываюсь и смотрю в потолок. И думаю, думаю, думаю.

За что? Почему? Как?

Где я свернула не туда? В какой момент мы перестали быть командой? Или всё это было иллюзией, а я просто не хотела замечать трещины?

Ни на один вопрос ответов нет. Только глухое чувство, что почва под ногами больше не твёрдая.

Видимо, не выдержав, Влад появляется на пороге. Я слышу его шаги ещё до того, как вижу силуэт. Он останавливается, опирается плечом о косяк. Поза напряжённая, руки скрещены на груди, корпусом демонстративно перегораживает проход. Как будто я сейчас рвану мимо него.

Но я и не собираюсь сбегать.

— Будешь мне душу вытягивать теперь? — голос у него глухой, сдержанный, но злость проскакивает.

Я поворачиваю голову в его сторону.

— Я что, не имею права лечь спать там, где мне хочется?

— Не имеешь, Яра. Муж и жена должны спать вместе.

Вот так просто. Должны.

Сажусь на диване и откидываю волосы назад, чтобы не лезли в лицо. Смотрю на него прямо.

— Муж и жена ещё очень много чего должны. Например, разговаривать друг с другом. Делиться. Уважать. Ты меня намеренно лишаешь понимания ситуации. Как я должна себя чувствовать? М?

Он раздражённо выдыхает, проводит рукой по затылку.

— Я же попросил довериться.

— Что, если я не могу?

Слова даются тяжело, но это честно. Я правда не могу. После гостиницы. После этих исчезновений. После его ледяных пауз.

— Придётся. Другого выхода нет.

Закипаю просто.

— Придётся? — повторяю медленно. — Это что вообще значит?

Он пожимает плечами, будто говорит о чём-то очевидном.

— Значит, что иногда нужно просто принять ситуацию и не устраивать истерик.

Домостроевские замашки. Старое доброе “я мужчина — мне виднее”. Для Влада вообще-то характерно это — лёгкое стремление всё контролировать, принимать решения единолично. Раньше меня это даже умиляло. Казалось, что он надёжный, сильный, берёт ответственность.

Но конкретно сейчас меня аж подкидывает на месте от такого.

— Я не твой подчинённый, Влад, — говорю тихо, но отчётливо. — И не мебель в этой квартире. Я твоя жена. И если ты хочешь, чтобы я с тобой спала в одной постели, для начала объясни, что происходит в моей жизни.

Он смотрит на меня долгую секунду. И в этом взгляде — упрямство. Стена.

Для меня это принципиальный момент.

Поняв, что ответа не будет, ложусь и отворачиваюсь от

него.

Шаги движутся в сторону спальни, дверь щёлкает. А затем слышу глухой удар кулака о стену.

Дорогие читательницы,

В литмобе "Отставка предателю" вышла новинка

Амелия Мур, Марта Левина "Развод. Исправить прошлое"

<https://litnet.com/shrt/RD9Y>

МАРТА ЛЕВИНА

Девочка-одуванчик, только закончившая военную академию, исчезла. На её место вернулась женщина, которая исправит ошибки, совершенные в прошлом...

Моя жизнь была разрушена моим мужем. Потеря еще нерожденного ребенка, постоянные измены, и, в конечном итоге, он выступил обвинителем в суде, на котором меня обвиняли в совершенных им же преступлениях.

Я должна была сесть на десять лет, за кражи которые не совершала.

Но уснув в кошмаре, я проснулась в день, когда ничего из этого еще не произошло. В своем прошлом.

Мне снова 25 лет. Я молода и красива. И все бы ничего... Но в отражении себя я вижу девушку, наряженную в красивое белое платье, ведь день свадьбы с майором уже прошел. И отпускать он меня не намерен.

Глава 14 Ярослав

Мы с рыжим прижимаемся друг к другу. Он устраивается у меня под боком, уткнувшись тёплым носом куда-то в сгиб локтя, и тихо урчит.

Всё-таки вовремя он у меня появился.

Кот, а поддержки от него столько, сколько не от каждого человека можно получить. Он ничего не спрашивает, не требует объяснений, не смотрит укоризненно. Просто лежит рядом и греет. Иногда этого оказывается достаточно.

Я машинально глажу его между ушами, и он вытягивает лапы, растягивается всем длинным тощим тельцем, как будто уверен, что теперь у него всё хорошо.

— Ну что, Апельсин... — шепчу почти беззвучно. — Похоже, мы с тобой оба сегодня слегка брошенные.

Кот лениво моргает, будто соглашается.

И, как ни странно, даже заснуть на какое-то время получается. Сон рваный, тревожный, но всё же сон.

Утром я не жду, пока Жаров проснётся.

Наоборот, собираюсь по-партизански, тихо-тихо. Сначала осторожно выскальзываю из-под пледа, стараясь не скрипнуть диваном. Апельсин поднимает голову, смотрит на меня мутными сонными глазами и тихонько мяукает.

— Шшш... — прикладываю палец к губам, словно он понимает. — Тихо.

Он недовольно фыркает, но остаётся лежать.

Я быстро умываюсь. Грею чайник, наливаю себе кружку чая и выпиваю почти залпом. В квартире стоит ранняя утренняя тишина.

Из спальни не доносится ни звука. Влад ещё спит.

Натягиваю джинсы, свитер, собираю волосы в хвост. На секунду зависаю у двери, прислушиваясь.

Апельсин уже сидит у моих ног и смотрит снизу вверх так, будто чувствует, что я куда-то собираюсь.

— Я быстро, — шепчу ему. — Не успеешь соскучиться.

Он, конечно, не верит. Хвостом лениво обвивает мою ногу.

Всё потому, что я хочу взять жизнь в свои руки.

Можно, конечно, было бы положить ладошки на колени, сесть и терпеливо ждать, пока Влад решит рассказать мне хоть что-то. Сидеть, глотать его загадочные “потом объясню” и “доверься”. Делать вид, что это нормально.

Но когда это случится? Через неделю? Через месяц? Никогда?

Лично у меня нервы не железные. Я больше не могу ждать. Если он не хочет говорить, значит, я сама узнаю.

Тихо закрываю за собой дверь и спускаюсь по лестнице, стараясь не стучать каблуками. Утро холодное. Двор полупустой, только у подъезда бабушка из соседнего подъезда выгуливает своего толстого мопса.

Она кивает мне.

— Рано сегодня, Ярослава Сергеевна.

— Да... дела, — отвечаю уклончиво и ускоряю шаг.

До завода идти минут пятнадцать. Военный городок маленький, все дороги ведут либо к школе, либо к гарнизону, либо к заводу. Огромные серые корпуса уже видны издалека. Над ними поднимается лёгкий пар — утренний воздух холодный, а внутри, наверное, уже кипит работа.

Чем ближе подхожу, тем сильнее внутри всё сжимается.

Что я вообще собираюсь делать?

Приду и скажу: “Здравствуйте, мой муж ведёт себя подозрительно, расскажите, что происходит”?

Разворачиваться я не собираюсь.

Потому отправляюсь прямо к проходной завода, настроенная любым способом добраться до начальства. Огромные металлические ворота, турникеты, охрана в форме, всё как всегда, но сегодня я смотрю на это иначе.

Здесь проходит половина жизни Влада. Здесь он пропадает вечерами. Здесь, видимо, и прячется вся правда.

Останавливаюсь перед будкой охраны и глубоко вдыхаю.

Пусть только попробуют тоже кормить меня отговорками и туманными фразами.

Сегодня я уйду отсюда с ответами. Или устрою такой скандал, что им придётся эти ответы найти.

Я подхожу к будке охраны и стараюсь выглядеть максимально уверенно. Как будто каждый день так делаю, прихожу на завод и требую аудиенции у генерального директора.

Охранник, мужчина лет пятидесяти, отрывается от журнала и внимательно меня рассматривает.

— Доброе утро, — говорю я. — Мне нужно к Бударину Александру Дмитриевичу.

— По какому вопросу?

— Личному.

Слово звучит как-то слишком громко в утренней тишине проходной.

Охранник скептически поднимает бровь.

— Посещения только по записи. Ваша фамилия?

— Жарова. Ярослава Сергеевна.

Он листает какие-то списки, водит пальцем по строчкам и через пару секунд качает головой.

— Вас нет.

— Я понимаю. Но мне очень нужно с ним поговорить.

— Всем нужно, — философски замечает он и закрывает журнал. — Записывайтесь через приёмную.

Я делаю медленный вдох. Только не отступить.

— Послушайте, — стараюсь говорить спокойно, хотя внутри всё кипит. — Это касается моего мужа. Владислава Жарова. Он работает у вас.

Охранник на секунду задумывается.

— И?

— И мне нужно поговорить с Александром Дмитриевичем.

Он тяжело вздыхает.

— Женщина. Я не могу вас просто так пропустить. Порядок есть порядок.

Я опираюсь ладонями на стойку и смотрю ему прямо в глаза.

— Тогда позвоните ему.

— Кому?

— Бударину.

Он даже усмехается.

— Вы серьёзно?

— Абсолютно. Скажите, что к нему пришла жена Жарова. Если он скажет “нет” — я уйду.

Охранник явно колеблется. С одной стороны — инструкция. С другой — я стою и, кажется, никуда не собираюсь уходить.

Наконец он ворчит:

— Стойте тут.

Берёт трубку внутреннего телефона, набирает номер.

Я стараюсь не вслушиваться, но всё равно ловлю обрывки.

— Александр Дмитриевич... да... тут к вам... Жарова... говорит, жена Владислава Жарова... без записи...

Он замолкает, слушает.

Я даже дыхание задерживаю.

Пауза тянется мучительно долго.

— Понял, — наконец говорит охранник и кладёт трубку.

Смотрит на меня уже совершенно другим взглядом.

— Вас проводят.

Я моргаю.

— Простите?

— Александр Дмитриевич сказал пропустить.

Ну надо же. Через минуту из соседней двери выходит дру-
гой охранник — молодой, высокий.

— За мной.

Мы проходим через турникет, и я впервые оказываюсь на территории завода как посетитель.

Корпуса здесь огромные. Серые, тяжёлые, с длинными ок-
нами. Между ними широкие асфальтовые дорожки, по кото-
рым уже ездят служебные машины. Где-то гудит техника.

Я иду рядом с охранником и чувствую, как внутри снова
начинает расти тревога.

А что я вообще скажу?

— Сюда, — говорит он, останавливаясь у одного из кор-
пусов.

Мы поднимаемся по лестнице на второй этаж. Коридор
длинный, светлый, пахнет чем-то канцелярским и слегка —
машинным маслом.

Охранник останавливается у двери с табличкой.

Генеральный директор Бударин А. Д.

— Проходите.

Он открывает дверь и пропускает меня внутрь.

Кабинет просторный. За столом сидит мужчина лет ше-
стидесяти, плотный, седой, с тяжёлым внимательным взгля-
дом.

Я на секунду теряюсь, но всё же делаю шаг вперёд.

— Здравствуйте.

Он откидывается на спинку кресла и внимательно меня рассматривает.

— Доброе утро.

Пауза.

— Ну, — говорит он наконец спокойно, сцепив пальцы на столе, — зачем решили ко мне заглянуть?

Дорогие читательницы,

В литмобе "Отставка предателю" вышла новинка

Ольга Игонина "Развод. Марш-бросок к свободе"

https://litnet.com/shrt/ki_B

— Это Илона, — говорит Женька, когда я, наконец, решаюсь спросить. — Да, у нас общий ребёнок. Но это в прошлом, Ань, не переживай. Это было случайно, я с ней не поддерживаю никакой связи.

Он закрывает глаза, стараясь сохранить самообладание

— Какой «в прошлом»? Ты же ездил в”командировку” в прошлом месяце, как теперь я понимаю, на побывку к новой семье.

— Ну, началось! Успокой свой воспаленный мозг и не придумывай лишнего. Я тебе сказал, что у нас было всего один раз, все последствия тебя не касаются. Забудь об этом, нашла, из-за чего скандал поднимать.

Глава 15 Ярослава

— Александр Дмитриевич, прошу прощения за мой вопрос. Я хотела узнать, что за важная работа у моего мужа сейчас?

Я говорю это максимально вежливо, стараясь, чтобы голос звучал спокойно и не дрожал. Хотя внутри всё сжимается от неловкости. Стою перед его столом, как ученица у директора школы, и вдруг ловлю себя на том, что даже руки сцепила перед собой.

Бударин смотрит на меня долго, не перебивая. Потом чуть откидывается в кресле, сцепляет пальцы на животе.

— Вся его работа важная. Без исключения. Вы же не думаете, что начальник службы безопасности на предприятии вроде нашего может просто просиживать штаны?

Голос у него негромкий, но тяжёлый, с лёгкой насмешкой. Не злой, скорее снисходительный.

Я машинально мотаю головой.

— Нет. Но до сих пор он не оставался за полночь так часто.

Я звучу всё тише, сама понимаю, как они выглядят со стороны.

Бударин чуть наклоняет голову набок, внимательно меня изучая. Его взгляд цепкий, опытный. Такими глазами, наверное, десятки лет оценивают людей — работников, парт-

нёров, проверяющих.

— Ярослава Сергеевна, — произносит он медленно, — вам не кажется, что такие вопросы обсуждаются внутри семьи?

В кабинете становится слишком тихо.

Я буквально горю от стыда. Щёки вспыхивают, ладони становятся влажными. Кажется, мои вопросы выглядят крайне неуместными. Даже глупыми.

До меня только сейчас доходит, как это всё выглядит со стороны. Я — взрослая женщина, учительница, пришла на серьёзное предприятие и пытаюсь выяснить у генерального директора, где ночует мой муж.

Как будто это допрос.

Как будто я ревнивая жена из дешёвого сериала.

И если бы это происходило в школе... Если бы ко мне в кабинет так ввалился родитель и начал требовать объяснений за поведение ребёнка, я бы тоже смотрела примерно так же.

Но нет.

Я стою посреди чужого кабинета, под чужим внимательным взглядом, и впервые за утро чувствую, что, возможно, совершила глупость.

— Простите, — тихо говорю я, опуская глаза. — Я, наверное, зря вас побеспокоила.

Бударин ничего не отвечает. Только слегка постукивает пальцами по столу.

Зачем я пришла?

Очевидно, Бударин ничего мне говорить не собирается. И, если честно, он имеет на это полное право. Влад взрослый человек, его работа — не школьный дневник, который можно открыть и показать.

Я делаю шаг назад.

— Извините ещё раз. Я пойду.

Стоит мне выйти за двери, как я нос к носу сталкиваюсь с Жаровым.

Я даже не сразу понимаю, что происходит. Просто поднимаю глаза и упираюсь прямо в его взгляд.

Он стоит посреди коридора, высокий, напряжённый, в той самой тёмной куртке, в которой обычно ездит на работу. Руки в карманах, плечи слегка поданы вперёд.

Мы замираем друг перед другом.

Я думала, что ситуация в кабинете была неловкой? Нет. Максимальную неловкость я ощущаю именно сейчас. Она буквально висит в воздухе между нами.

Как мне объяснить Владу, что я делала тут?

Потому что объяснение звучит так: “Я пришла жаловаться на тебя твоему начальству”.

Этот же вопрос читается и в его взгляде. Причём очень ясно. Сначала удивление, потом мгновенное напряжение, и почти сразу — раздражение.

— Что ты тут делаешь? — спрашивает он негромко.

— Спрашивала кое-что у Александра Дмитриевича.

Он чуть прищуривается.

— Что?

Коридор вдруг кажется слишком длинным и пустым. Вдалеке кто-то проходит, гулко хлопает дверь. Я чувствую на себе чужие взгляды, хотя, возможно, это просто воображение.

Обсуждать это прямо здесь я точно не хочу.

— Давай поговорим у тебя?

Он смотрит на меня ещё пару секунд, будто пытается понять, насколько я серьёзна и что именно успела натворить. Потом коротко кивает.

— Иди за мной.

Разворачивается и идёт по коридору быстрым, широким шагом. Я иду следом.

Успеваю рассмотреть вокруг серые стены, двери с табличками, сотрудников, которые кивают Жарову и с любопытством косятся на меня. Видимо, моя персона здесь выглядит примерно так же странно, как я и чувствую себя.

Влад не замедляет шаг ни на секунду.

Мы поднимаемся по лестнице на следующий этаж, проходим ещё один коридор. Он наконец останавливается у двери с табличкой “Служба безопасности”.

Достаёт ключ, открывает.

— Заходи.

Я переступаю порог его кабинета. Небольшое помещение: стол, пара стульев, шкаф с папками, монитор, на стене схема территории завода.

Влад закрывает дверь за моей спиной. Щёлкает замок. И только после этого поворачивается ко мне.

— А теперь, — говорит он тихо, но очень жёстко, — объясни, пожалуйста, что именно ты делала у генерального директора.

Он смотрит на меня так, будто я только что устроила крупные неприятности.

Я стою у двери и понимаю: отступать уже поздно.

— Ну? — спрашивает Влад. — Я слушаю.

Я делаю несколько шагов к его столу. Сердце колотится так, что даже говорить трудно.

— Я пришла спросить, почему ты почти не бываешь дома.

Он сразу хмурится.

— Серьёзно?

— Да, серьёзно! — срываюсь я быстрее, чем планировала.

— Потому что последние недели ты приходишь за полночь. Иногда вообще под утро. И при этом ничего не объясняешь.

Влад медленно проводит ладонью по лицу.

— Ярослава...

— Нет, подожди. — Я поднимаю руку, будто могу его остановить. — Я просто хотела понять, что происходит. Это нормально — спросить у собственного мужа?

Он смотрит на меня тяжёлым взглядом.

— Поэтому ты решила пойти к Бударину?

Стыд снова вспыхивает где-то внутри, но сейчас к нему примешивается злость.

— А что мне было делать? Ты же ничего не говоришь!

— Потому что не всё можно говорить!

— Почему?! — почти кричу я. — Я твоя жена!

В кабинете становится душно. Влад резко отодвигает стул и встаёт.

— Ярослава, ты вообще понимаешь, куда пришла и что устроила?

— Я понимаю только одно, — отвечаю я упрямо. — Со мной обращаются как с ребёнком. Все вокруг что-то знают, а я нет.

Он делает несколько шагов по кабинету, останавливается у окна.

— Я не уйду отсюда, пока ты не объяснишь.

Влад медленно оборачивается.

— Что?

— Я не сдвинусь с места, — повторяю я. — Хватит. Я устала от этих недомолвок. Скажи наконец, что происходит.

Несколько секунд он просто смотрит на меня.

— Ты хотела узнать? — резко говорит он. — Хорошо.

Он делает шаг к столу.

— Хотела узнать, чем я тут занимаюсь по ночам?

Я не отвечаю. Только смотрю на него.

— Я всё это время пытался решить вопрос с твоим прошлым, — бросает он.

Я не сразу понимаю смысл слов.

— Что?..

— С твоим прошлым, Яра.

И вдруг он со всей силы бьёт ладонью по столу. Грохот в маленьком кабинете звучит оглушительно.

— Но у меня не вышло, мать твою!

Я вздрагиваю.

Он тяжело дышит, пальцы сжаты в кулак.

— Я три недели пытаюсь это закрыть, — продолжает он глухо. — Договариваюсь, ищу людей, поднимаю старые связи... и всё впустую.

У меня холодеет внутри.

— Влад... о чём ты вообще?

Он смотрит на меня устало и вдруг говорит тихо:

— Поэтому нам надо развестись.

Я чувствую, как будто пол уходит из-под ног.

— Ты... сейчас шутишь?

— Нет. Это временно. На два года. Я буду вынужден жениться на другой женщине на этот срок.

Глава 16 Ярослава

— Ты считаешь, что я буду тебя ждать два года?

Мне становится трудно вдохнуть. Воздух словно застревает где-то в груди. Стоит только представить, что он правда считает это возможным, что я просто соглашусь, кивну и буду спокойно жить дальше, пока он где-то там строит новую семью.

— Это будет фиктивный брак. Формальность.

Он говорит это так, будто объясняет какой-то рабочий момент. Как будто речь идёт о бумагах или подписи под контрактом.

— Это какой-то бред, Влад. Я ни за что не поверю, что взрослый мужик будет жить с женщиной и при этом у них не будет секса. Я не вчера родилась. И вообще, какие могут быть причины? Какое моё прошлое вдруг может всплыть?

Слова вылетают быстрее, чем я успеваю их обдумать. Я чувствую, как внутри поднимается горячая злость. Потому что он говорит обо всём этом слишком спокойно.

Слишком рационально.

— Твой отец.

Я на секунду даже теряюсь.

— И что? До сих пор это никак не мешало твоей карьере. Я не прятала это. Да, он отсидел за наркоторговлю, но не я.

Я начинаю ходить по кабинету. От стола к окну, от ок-

на обратно. Мне трудно стоять на месте, тело будто требует движения, чтобы не взорваться.

Влад некоторое время смотрит на меня, потом морщится.
— Садись, не мельтеши перед глазами.

Я резко останавливаюсь, разворачиваюсь и устраиваюсь на стуле напротив его с

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.